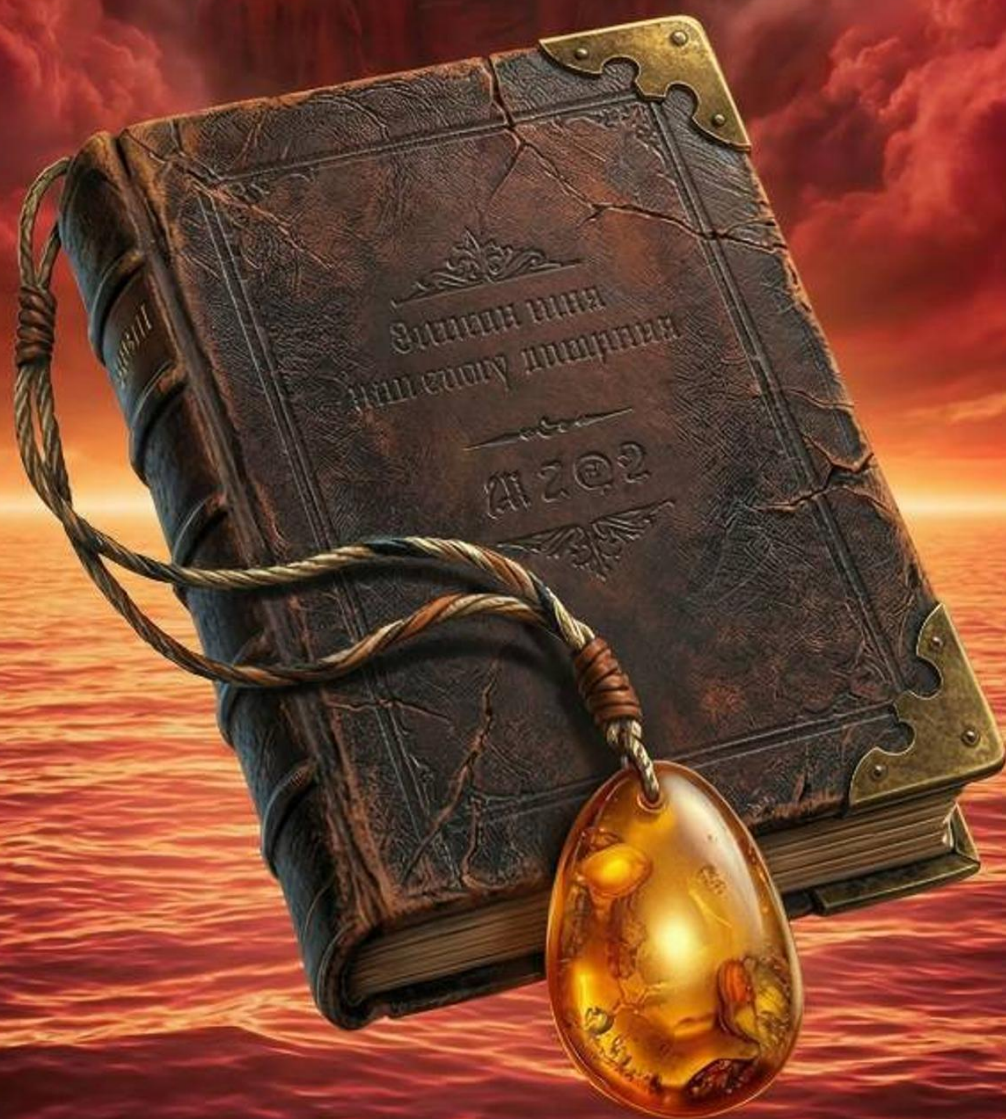

ОКЕАН НАДЕЖД

Осень Ожиданий

Игорь М Бер

Игорь Бер

**Океан надежд III:
Осень ожиданий**

«Автор»

2026

Бер И. М.

Океан надежд III: Осень ожиданий / И. М. Бер — «Автор», 2026

Это не та история, где герои спасают мир. Здесь каждый спасает себя. Их четверо. Молодой поэт, выдающий чужие стихи за свои, чтобы обрести славу в чужом мире. Могущественный колдун, потерявший собственную душу и память. Отчаявшийся отец, готовый пройти сквозь смерть, чтобы обнять дочь. И женщина из народа сиу, чувствующая дыхание духов на каждом шагу. Им предстоит пройти сквозь пыльные прерии, где за радушием хозяев скрывается тёмная тайна, и руины городов, где на каждом шагу подстерегает смерть. Они встретят продажных правителей, восставших рабов и бессмертного колдуна, чья жажда власти не знает границ. Но самая страшная битва ждёт их не с внешним врагом, а с собственным прошлым. В мире, где у каждого есть тайна, за доверие приходится платить дорогую цену. И только у Океана Надежд откроется главная правда: иногда, чтобы обрести желаемое, нужно потерять себя.

© Бер И. М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Этот славный парень Томас Уолкер	5
1.	5
2.	12
3.	18
Глава 2: Старый Мир	22
1.	22
2.	26
3.	32
Глава 3: Красный губернатор	35
1.	35
2.	41
3.	46
Глава 4: Большой Дэв	49
1.	49
2.	55
3.	61
Глава 5: Друзья, о которых и не вспомнишь	64
1.	64
2.	67
3.	72
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Игорь Бер

Океан надежд III: Осень ожиданий

Глава 1: Этот славный парень Томас Уолкер

1.

Все, кому довелось знать кареглазого блондина Томаса Уолкера, отзывались о нем исключительно тепло. Молодой, статный и обаятельный, он умел вернуть вкус к жизни даже безнадежному больному. В карманах его редко звенели монеты, однако он никогда не оставался без сытного ужина и доброй порции виски. Любая компания была рада видеть его за своим столом, женщины жаждали его внимания, а ремесленники мечтали заполучить такого помощника: Томас трудился за двоих, довольствуясь при этом скромной платой. Он уверенно брался за любое дело — стоило лишь раз понаблюдать за работой кузнеца, торговца или пахаря, как результат его собственных трудов превосходил все ожидания.

Уолкер вполне мог бы стать великим человеком, основателем новых поселений, а со временем и целых губерний. Из него вышел бы мудрый, рассудительный и в меру строгий правитель, но голову Томасу кружила мечта о славе лучшего менестрели всего Молодого Мира. А ещё ему не хватало усидчивости, его вечно манила дорога, уходящая за горизонт. Казалось, именно там, в неведомых краях, скрыты истинное счастье и смысл бытия. Там, а не здесь, ждала его судьба, еще не открывшая своих главных тайн.

Томас предпочитал мерить мили в гордом одиночестве, ища тишины после шумного веселья в придорожных городках. Однако в день своего тридцатилетия он встретил первого спутника, и это событие в корне изменило его жизнь. Но прежде чем столкнуться с тем, кто перевернул всё с ног на голову, ему предстояло иное знакомство, с которого, собственно, всё и началось.

На закате, когда Томас шел по заросшей тропе, слух его прорезали женские крики. Он замер, чутко прислушиваясь и озираясь. С одной стороны раскинулось невспаханное поле с редкими мелкими фермами на краю, с другой — круто взмывал изумрудный холм, столь же резко обрывающийся вниз. У подножия кручи лежал каменистый берег озера. Самой воды не было видно, но Томас знал о ее близости: он приметил начало водоема еще за тысячу шагов до того, как склон скрыл обзор.

Путник уже собирался продолжить счёт своим шагам, когда слева вновь раздался вопль, на сей раз смешавшийся со злобным, азартным хохотом. Вглядевшись в заросли бурьяна, Томас различил пляску нескольких теней. Один силуэт петлял, падал и вновь поднимался. За ним, не отставая, следовали другие — они, точно шакалы, то придвигались к жертве, упиваясь ее ужасом, то отступали, даруя призрачную надежду на спасение.

Уолкер остро чувствовал несправедливость и никогда не проходил мимо чужой беды. Эту неудержимую тягу к правде подтверждали шрамы на руках и ногах, отметина на щеке и след от ножевого ранения в предплечье. Раны его не останавливали — напротив, он гордился боевыми знаками и часто, засыпая в объятиях очередной красавицы, увлеченно повествовал о происхождении каждого рубца. Дамы слушали его с неизменным восхищением. Разумеется, Томас приукрашивал свои истории, облекая их в сказочные формы — благо фантазия позволяла, — однако он никогда не прибегал к откровенной лжи: действительность и без того была богата на события.

Девушка продолжала взывать о помощи, едва ли веря, что найдется смельчак, готовый за нее заступиться. Томас выхватил из-за пояса кинжал из тиминской стали и бросился на выручку.

Сухая, бугристая земля мешала бегу. Спутанные стебли бурьяна так и норовили ухватить за лодыжки и повалить наземь. Ошибаться было нельзя: каждая потерянная секунда могла стоить женщине жизни. Страха перед агрессорами Уолкер не испытывал, хотя за свои тридцать лет не раз сталкивался с достойными противниками, которым либо с трудом давал отпор, либо смиренно принимал поражение, стараясь сохранить лицо. Судя по очертаниям, против него вышли трое — прежде столько врагов сразу встречать не доводилось.

Крики становились громче, а глумливый смех мужчин по-прежнему казался невнятным и далеким, будто во время бега Томас приближался лишь к жертве, но не к преследователям. Вскоре причина прояснилась: поле было населено духами, пробуждающимися в сумерках. Очевидно, женщина была не из здешних мест и не знала, как опасно задерживаться здесь в поздний час.

— Эй! Не останавливайтесь! Бегите ко мне!

Пострадавшая поднялась с колен, отчаянно размахивая руками. Но едва она выпрямилась, очередная тень, соткавшаяся за ее спиной, вновь сбила ее с ног и с жутким хохотом исчезла. Томас прибавил ходу, убрав кинжал за пояс: против таких противников сталь была бесполезна. Один из призраков метнулся наперерез, но Уолкер даже не замедлил шага. Он прошел сквозь морок, ощутив лишь мимолетную вспышку боли в деснах и покалывание в глазах. В остальном столкновение оказалось безвредным. Оставшееся позади видение попыталось схватить его, но Томас легко оторвался от него, ускорившись. К этому моменту несчастная, вконец обессиленная, уже не кричала, а лишь тяжело и хрипло вздыхала.

Томас подоспел вовремя: тени замкнули вокруг женщины плотное кольцо. Уолкеру это показалось странным — обычно духи старались утянуть добычу под землю, а не окружали ее. Впрочем, раздумывать было некогда. Закричав во всю мощь легких, он прорвал призрачный круг, подхватил женщину и, вскинув ее на плечо, бросился обратно к тропе. Духи за его спиной обиженно взвыли и пустились в погоню.

На бегу Томас Уолкер невольно порадовался своей удаче: спасенная им незнакомка была на редкость миниатюрной, и он почти не чувствовал ее веса на плече. Судя по девичьей упругости тела и гладкости кожи, Томас предположил, что девушка совсем молода.

Призраки с жалобным воем терзали воздух, хватая то его за рубаху, то спутницу за одежду. В какой-то момент одна из теней вцепилась в подол платья девушки, задрав его до самой спины и обнажив округлые бедра. Томас поспешно вернул ткань на место, мимоходом отметив про себя привлекательность ее форм, однако в столь напряженный момент о плотских порывах не могло быть и речи.

Он возвращался по примятой траве — проложенный им ранее след отчетливо виднелся в сгущающихся сумерках. Колосья хлестали его по животу, защищенному плотной тканью, но больно жалили девушку по обнаженным ногам. Вероятно, она была без чувств и не ощущала ударов, но Томас все же перехватил ее поудобнее, стараясь прикрыть ее кожу от жестких стеблей.

До спасительной тропы оставалось всего несколько ярдов, когда одна из теней подсекла его. Уолкер рухнул, и в тот же миг раздался испуганный вскрик — значит, всё это время девушка оставалась в сознании. Подняв голову, он встретился с ней взглядом. В ее глазах читался не страх, а скорее удивление или даже немой укор.

— Ты как? — выдохнул он. — Не ушиблась?

Вместо ответа она лишь качнула головой и, резко отведя взор, закричала, указывая пальцем ему за спину. Томас обернулся: к ним приближалось целое полчище живых теней. Вскочив, он схватил спутницу за руку, и они вместе рванулись к дороге. Один из наиболее провор-

ных духов вцепился в ворот его рубахи, потянув назад с такой силой, что Томас чуть не упал вновь. Но на сей раз уже девушка пришла на помощь: она крепко сжала его ладонь и потянула на себя, заставив призрака разжать хватку.

На тропу они выпрыгнули одновременно. Тени, бессильно завывая от ярости, закружились у самого края, не решаясь переступить невидимую черту. Томас и его спутница замерли, тяжело дыша и всё еще крепко держась за руки. Он чувствовал, что сжимает ее узкую ладонь слишком сильно, но не мог заставить себя расслабить пальцы. Девушка не жаловалась и не морщилась от боли — она просто смотрела на яростную пляску духов, пытаясь восстановить дыхание.

— Хуфф... А это было весело, — усмехнулся Томас. — Как же тебя занесло на это поле?

Она обернулась. На вид ей было не больше двадцати, а взгляд, которым она одарила спасителя, внезапно пробудил в нем такое влечение, какого не вызвала даже недавняя нагота.

— Я решила, что так будет быстрее, — ответила она. Для столь юной особы голос у нее оказался неожиданно низким и глубоким, что лишь добавляло ей притягательности. — Очевидно, я ошиблась. Впрочем, мне не привыкать.

— И как же зовут такую красавицу? — спросил Уолкер, осторожно увлекая ее за собой прочь от поля, где всё еще бесновались неприкаянные души.

Девушка вновь пронзила его взглядом, проникающим, казалось, в самую душу, и поправила сбившуюся челку.

— Роанна.

— Прекрасное имя.

— Может, позволишь и мне насладиться твоим? — парировала она.

Томас невольно улыбнулся. Девчонка оказалась дерзкой и держалась на редкость уверенно, будто мгновенно позабыла о смертельной опасности.

— Томас. Томас Уолкер. Можешь не утруждать себя благодарностями — я всегда чувствую неловкость, выслушивая похвалы в свой адрес.

— Вот и славно, я и не собиралась тебя благодарить, — гордо заявила она и зашагала по тропе в ту же сторону, куда ноги вели и самого Томаса, держась впереди. — Я не слишком доверяю мужчинам. Даже тем, кто бросается на выручку.

— Позволь узнать, почему? — Томас последовал за ней, не скрывая улыбки.

— Все вы на один лад, — бросила она через плечо. — Сначала строите из себя благородных героев, а после ждете, что девица сама поднимет подол и услужливо склонится перед вами.

— О, я совсем не такой! — воскликнул Томас, хотя в глубине души признал, что не отказался бы еще раз полюбоваться ее белыми упругими ягодицами.

— Все вы «не такие». До поры до времени. А потом плететесь следом, точно псы.

Роанна снова оглянулась, и в лунном свете Томас успел заметить мимолетную, едва уловимую улыбку.

— Можешь не верить, но нам просто по пути. Я вовсе не преследую тебя — я лишь иду своей дорогой.

Его новая спутница внезапно замерла, и Томас едва не налетел на неё. Роанна поднялась на цыпочки и коснулась его губ своими. Уолкера озадачила столь резкая перемена в настроении девушки, но не настолько, чтобы отвергать нежданную ласку. Незнакомка целовалась искусно и страстно. За свои тридцать лет Томас познал немало женщин, но был уверен: этот поцелуй он запомнит навсегда.

Вдруг она резко отстранилась и толкнула его в грудь, небрежно вытерев губы рукавом платья.

— Что и требовалось доказать: ты ничем не лучше прочих.

— А чего же ты ждала?

— Не знаю... Быть может, иной реакции. Не спрашивай какой — я и сама не ведаю. Просто еще ни один мужчина в такой ситуации не повел себя иначе.

— Выходит, ты целуешь каждого встречного в надежде отыскать того единственного, кто сумеет тебя удивить?

Вместо ответа Роанна вновь улыбнулась, и на сей раз улыбка надолго задержалась на её лице. Она сошла с тропы в сторону высокого холма, обрывающегося над озером. Томас помедлил, не зная, как поступить. Последует за ней — вновь заслужит обвинения в предсказуемости. Продолжит путь один — навсегда потеряет Роанну, чего ему совсем не хотелось.

Дилемму разрешила сама девушка. Заметив, что спутник отстал, она обернулась и призывно протянула к нему руки:

— Чего же ты медлишь? Идем со мной, полюбуемся отражением луны в воде.

Томас поспешил за ней, окончательно убедившись, что красавица просто дразнит его. Она шла впереди легко и грациозно, словно повинуюсь ритму слышимой лишь ей мелодии. В этом странном танце она то приподнимала подол платья, то отпускала его, и с каждым движением ткань взлетала всё выше, обнажая стройные ноги. Томас завороченно наблюдал за ней, пытаясь уловить мотив, который она мурлыкала себе под нос.

У самого Уолкера был превосходный голос; во многих краях Молодого Мира его знали как искусного исполнителя народных и авторских песен. Он часто выступал на празднествах — и в богатых поместьях, и на скромных деревенских пирушках. Приятная внешность располагала к нему людей, но именно благодаря таланту певца женщины теряли от него голову. Вот и сейчас он держал путь в губернию Торайес, куда был приглашен на свадьбу дочери самого губернатора. Пение было его ремеслом, приносившим не только хлеб, но порой и щедрое вознаграждение.

— Что это за песня? — поинтересовался Томас, взбираясь вслед за ней на склон. — Я мог слышать её прежде?

— Вряд ли, — весело отозвалась она.

— Поверь, я знаю великое множество мелодий, — возразил он.

— Все мужчины обожают хвалиться своими познаниями, — ответила она уже привычным колким тоном. — Но эту ты точно не слышал по одной простой причине: я сочинила её сама.

С этими словами она скинула платье, оставшись совершенно нагой. Рассмеявшись, девушка бросилась вверх по холму.

— Не отставай!

Кровь Томаса закипела, а по телу пробежала волна жаркого возбуждения. Он прибавил шагу, на бегу избавляясь от лишней одежды. Последней он бросил льняную сумку, в которой хранил свои пожитки и исписанные листы. Поднимаясь к вершине вслед за прекрасной незнакомкой, Томас запел свою песню:

*Изящный изгиб и легкая высь —
Похож на забавный вопросик!
Веснушками с солнцем разок поделись,
Так выглядит милый твой носик.*

*Как мягкие волны, что дарит закат,
Укрывшие белые стены, —
Они меня манят, прижаться хотят,
Им в мире не сыщешь замены.*

Как шелк дорогой из далеких земель,

*Что пахнет ромашкой и летом, —
Не сможет купить полный златом кошель,
Твои волосы сотканы светом.*

*Глубины озер самой чистой воды —
Сравнения здесь не уместны.
Они бесподобны и сердцу милы,
Любимой глаза так прелестны.*

— У тебя чудесный голос! — с искренним восхищением воскликнула Роанна, когда они наконец достигли вершины.

Томас пропел еще пару строк и умолк. Схватив девушку за бедра, он притянул её к себе и жадно поцеловал. Она отвечала пылко, умело ведя свою игру. Её язык скользил по его губам, она игриво покусывала их — Томас даже почувствовал металлический привкус крови, но боли не было. В порыве страсти это казалось лишь очередным оттенком наслаждения. Лаская её тело, он внезапно наткнулся рукой на грубый след на правом плече.

— Это...

— Ошибки прошлого, — быстро перебила она.

И, прежде чем Томас успел расспросить о клейме, она вновь лишила его дара речи долгим поцелуем.

Они стояли у самого края. Далеко внизу темнел каменистый берег, за которым расстилась озерная гладь — безмолвная, загадочная, посеребренная лунным светом. Роанна ловким движением развязала узел на его штанах и потянула их вниз. Томас переступил через ненужную теперь одежду и снова прильнул к девушке. На этот раз прикосновениям обнаженных тел ничто не мешало, кроме странного амулета на шее спутницы. Едва отпустив ее упругую грудь, Уолкер потянулся к украшению.

— Что это? — спросил он скорее у самого себя.

Его бабка была знахаркой, и за десять лет жизни подле нее Томас насмотрелся на обереги и талисманы. Он приподнял безделушку, чтобы рассмотреть её в лунном сиянии, но Роанна мягко, но решительно высвободила амулет из его пальцев.

— Ничего особенного, — бросила она и игриво провела ладонью по его паху. Ощущение было приятным, однако отвлечь Томаса от раздумий не удалось.

— Этот знак... он ведь должен защищать хозяина от духов. Или даже притягивать их, не давая причинить вред носителю. Как это понимать?

— Очень просто, — усмехнулась Роанна и внезапно с силой толкнула Томаса в грудь.

На свою беду, он стоял спиной к обрыву. Вскрикнув, Уолкер почувствовал, как почва уходит из-под ног. Падая в бездну, он понимал: шансов выжить, рухнув на острые камни с такой высоты, практически нет. В эти мгновения его посетила горькая мысль: Роанна стала первой женщиной, не поддавшейся на его обаяние и талант. Она оказалась банальной грабительницей, а возможно, и убийцей, которой нужны были лишь деньги, оставшиеся в карманах его брошенных штанов.

Томас уже прощался с миром, не теряя, впрочем, иронии по поводу того, что день его рождения станет днем его же кончины. Но судьба распорядилась иначе: обнаженным телом он задел глиняный выступ, затем какую-то корягу, и инстинкт самосохранения заставил его мертвой хваткой вцепиться в корень искривленного дерева, чудом росшего на отвесном склоне. Рывок едва не вывернул суставы, но пальцы надежно сжали спасительную опору. Как только раскачивание прекратилось, а ноги нащупали податливую опору в породе, Уолкер закричал во всю глотку. На сей раз это был клич победителя, сумевшего обмануть саму Смерть.

Однако радость быстро угасла. Осмотревшись, Томас понял, что положение его незавидно: до каменистого берега внизу было еще слишком далеко, а скала под ним уходила вглубь, образуя новый козырек. Путь же наверх, к вершине, откуда его столкнула вероломная воровка, казался почти непреодолимым.

Переведя дух и окинув взглядом свои ссадины, Томас решил карабкаться к вершине. Он понимал: силы не бесконечны, руки вскоре затекут, и тогда падение возобновится. Осторожно, выбивая ступни в мягкой, но прочной породе, он начал восхождение.

Поначалу подъем давался легче, чем он ожидал, но вскоре пальцы начали неметь, а ноги всё чаще соскальзывали, переноса весь вес на уставшие кисти. Чем выше он поднимался, тем тяжелее становился каждый дюйм пути. И всё же уверенность не покидала его: раз он не разбился сразу, значит, нынешний день не станет для него последним. Он цеплялся за новые выступы и подбадривал себя, напевая под нос шутивную песенку о деревенском дурачке, возмнившем себя губернатором. Музыка всегда была его верным спутником, и сейчас она дарила тот самый прилив сил, необходимый для борьбы.

Томас замер, чтобы отдышаться. Он осознал, что такая пауза скорее вредна — мышцы забивались еще сильнее, — но усталость была невыносимой. Казалось, на плечи ему взгромоздился тучный наглец, плотно обхватив ногами шею.

Продолжая восхождение, Уолкер невольно вспомнил сладость поцелуев Роанны и сравнил их с той бездной отчаяния, в которой оказался теперь. Сколько мужчин запуталось в сетях её притворной страсти? Судя по тому, как искусно она владела своим телом и губами, счет шел на десятки, а то и сотни. Очевидно, «тренировки» у неё были регулярными.

К изнеможению добавилась новая напасть — комары. Они тучей кружились над потным телом, впиваясь в пятки, икры, спину и шею. Но больше самих укусов донимал их торжествующий писк над ухом. Самым обидным было бессилие: Томас не мог даже отмахнуться, не рискуя сорваться. Гнев на мелких кровопийц пробудил в нем остатки скрытых резервов, и подниматься стало капельку легче. Впрочем, благодарности к насекомым он всё равно не испытал.

Сначала вершина приближалась к нему с ободряющей быстротой, но когда до края осталось не более трех человеческих ростов, время сделалось тягучим, а затем и вовсе замерло. Томас продолжал карабкаться, но желанная цель оставалась всё такой же недостижимой. Злость сменилась глухим отчаянием. Пальцы мелко дрожали, пот заливал спину, левую голень свело болезненной судорогой. В этот миг Уолкер отчетливо осознал: ему не выбраться. Глупость и неумная страсть загнали его в ловушку. Не будь он так падок на женские чары, он бы совладал с собой и прислушался к голосу разума, твердившему об опасности. Но разве есть дело молодому мужчине до рассудка, когда перед глазами танцует обнаженная красавица?

Когда до спасительного гребня оставалось подать рукой, силы окончательно покинули его. Тело задеревенело: он еще мог удерживаться на выступах, но совершить решающий рывок был не в состоянии. Как ни подстегивал он себя, мышцы отказывались повиноваться. И в тот момент, когда пальцы начали разжиматься, чья-то крепкая рука мертвой хваткой вцепилась в его запястье и рывком вытянула наверх.

Оказавшись в безопасности и немного отдышавшись, Томас поднялся и оглядел своего спасителя. Перед ним стоял высокий, плечистый бородач. Широкое лицо незнакомца пересекали белесые шрамы, а в глазах отражался холодный блеск луны. Длинные спутанные волосы и густые кустистые брови придавали ему устрашающий вид. В обычный день Уолкер предпочел бы держаться от такого человека на безопасном расстоянии, сочтя его крайне опасным, но сегодня он был готов заключить здоровяка в объятия.

— О да! Да благословит тебя Океан Надежд, друг мой! Ты явился как нельзя вовремя! У-ха! — ликующе выкрикнул Томас, бесцеремонно опершись на плечо бородача. — Я уж, грешным делом, думал, что не видать мне больше рассвета, не пить эля в кругу друзей и не спеть больше ни одной песни для своих верных слушателей!

— Ты певец? — осведомился спаситель. Голос его был низким и хриплым, под стать суровой внешности.

— Истинная правда! — громко провозгласил Томас, всё еще не в силах сдержать радость.
— Мое имя Томас Уолкер. Слышал о таком?

— Нет, — бесцветно обронил бородач.

— Что ж, пустяки. Уверен, вскоре ты узнаешь о моем таланте, и в том будет твоя прямая заслуга. Позволь же узнать имя благородного мужа, которому я обязан жизнью?

Незнакомец около минуты молча взирал на Томаса, не мигая и словно раздумывая: ответить на вопрос или столкнуть наглеца обратно. Этот тяжелый взгляд невольно напугал Уолкера. Он инстинктивно отступил на шаг, разворачиваясь так, чтобы не стоять спиной к пропасти и держать бородача в поле зрения, хотя и понимал, что вряд ли сможет дать отпор такому силачу.

После затянувшейся паузы здоровяк протянул руку, и Томас с видимым облегчением ответил на рукопожатие.

— Марк Уотер. Так меня зовут, — представился бородач.

2.

Томас Уолкер с облегчением обнаружил свои вещи, но, как и следовало ожидать, карманы штанов были вывернуты и пусты. Роанна присвоила не только монеты, но и десяток листов с набросками и готовыми песнями — потерей для Томаса куда более горькой. Пропажу медяков и серебра (золотых монет при нём не было) он бы пережил, ведь жизнь дороже нескольких монет, но утрата записей казалась невозполнимой.

— Тебе, верно, любопытно, отчего я стою в чем мать родила и как здесь оказался? — заговорил Томас, натягивая одежду и обращаясь к спасителю.

— Тебя обобрали, — безучастно отозвался Марк. — А раз ты наг, то виной всему смазливая девица, которой не составило труда тебя окрутить.

— Ты очень проницателен, Марк Уотер. А сам ты куда держишь путь?

— В губернию Торайес. Навестить друга.

— Чудесно, нам по пути! — искренне обрадовался Томас. — Будет время познакомиться поближе. К тому же я в долгу перед тобой. Жизнь бесценна, но я клянусь угостить тебя и твоего товарища лучшим элем, какой только найдется в округе.

— Друг мой не пьет, а я от выпивки не откажусь. Да только в карманах у тебя гуляет ветер.

— Обо всём позабочусь, Марк. Сегодня ты выпьешь столько, сколько в тебя влезет.

Весь путь до Торайеса говорил в основном Томас. Марк по большей части безмолвствовал, лишь изредка кивая в знак согласия. Уолкер выложил спутнику едва ли не всю свою подноготную, не забыв упомянуть и о сегодняшнем юбилее. Он поведал о родном доме, многочисленных братьях и сестрах, о дне, когда покинул отчий порог, и о первой заработанной золотой монете. Словом, Томас открыл всю душу, в то время как Уотер оставался для него неразгаданной тайной. Певец пытался разговорить угрюмого великана наводящими вопросами, но тот хранил молчание до самых городских врат.

Торайес оказался местом не самым чистым и уж точно не спокойным. Факелы на улицах горели через один, едва разгоняя густой мрак. На мостовой повсюду виднелись осколки глины от разбитых кувшинов, грязное тряпье и мусор. Воздух наполнился тяжелыми запахами крови и нечистот. Из темных переулков доносилась брань повздоривших пьянчуг. Один из горожан, привалившись к стене дома, справлял нужду; услышав шаги, он обернулся и невнятно попросил милостыню. Путники прошли мимо, не удостоив его вниманием.

У дверей таверны до них донеслось нестройное пение завсегдатаев. Томас просиял.

— Друг мой, я обещал тебе море эля? Слово я держу. Сегодня ты напьешься на год вперед. Знаешь почему?

— Почему? — глухо спросил Марк.

— Потому что в этом заведении поют мою песню!

Томас распахнул двери и вошел в душный зал, отделанный деревом и камнем. Под потолком клубился сизый дым, скрывая лестницу на второй этаж. От нестройного ора десятков глоток закладывало уши. Гости, увлеченные выпивкой и весельем, не обратили на вошедших внимания. Пьяный скрипач фальшиво выводил мелодию на инструменте с лопнувшей струной. Дородная хозяйка без устали разносила полные кружки, ловко лавируя между столами.

Томас протиснулся к стойке и заказал две порции темного эля.

— С тебя три медных, — буркнул трактирщик.

— Денег у меня нет, но я предложу нечто более ценное, — заверил его Уолкер.

— И что же?

Вместо ответа Томас подошел к скрипачу и решительно отобрал инструмент. Мелодия оборвалась на высокой, дребезжащей ноте. В зале мгновенно воцарилась тишина, прерываемая лишь руганью парочки захмелевших гуляк.

Кто-то начал подпевать, другие принялись хлопать в такт. Даже хозяйка и трактирщик отвлеклись от своих клиентов, завороженно глядя на Томаса. Больше десяти лет Уолкер колесил по свету, и везде его встречали тепло, но ему никогда не надоедало ловить на себе эти восторженные взгляды незнакомцев. Почувствовав кураж, Томас вскочил на ближайший стол под одобрительный гул, лихо смахнул ногой пустые кружки и принялся выбивать ритм каблуками.

[Куплет]

*От тебя отрекутся даже мать и отец,
Из подружек останется кошка.
А когда поведу я тебя под венец,
Вся в заплатках будет одёжка.
Но всё это не важно, у нас ведь любовь,
Я иду с красивым цветком.
Заглянул я в окно, поползла на лоб бровь...
Ты в постели лежишь с колдуном!*

[Припев]

*А любовь оказалась тонка и хрупка,
Злые чары построили стену.
Ты — жена колдуна и ему лишь верна,
Очень быстро нашла мне замену.*

Вокруг стола мгновенно собралась плотная толпа: каждый хотел разглядеть певца поближе или хотя бы коснуться края его одежды.

В это время Марк Уотер, стоявший у входа, занял одно из освободившихся мест и опустил могучие руки на столешницу. Понаблюдав за пляшущим Томасом и окружившей его толпой, он перевел взгляд на лестницу. Почти сразу со второго этажа спустились три девицы и с любопытством принялись разглядывать певца. Одна из них, узнав Уолкера, внезапно побледнела и поспешила скрыться, не проронив ни слова подругам. Если бы Томас в тот миг обернулся, он наверняка узнал бы воровку Роанну, которая лишила его денег, записей и едва не погубила. Но певец, упоенный собственной песней и восторженными криками хмельной публики, ничего не заметил.

Марк встал из-за стола и направился к лестнице. Поднявшись наверх и решительно отстранив девиц, навязывавших свои услуги, Уотер оказался в длинном коридоре. Там он приметил мужчину, который как раз входил в одну из комнат. Марк последовал за ним. Не церемонясь, он распахнул дверь и переступил порог.

— Эй, здесь занято! — проворчал недовольный клиент. — Найди себе другую шлюху.

— Мне нужна она, — спокойно ответил Марк, кивнув на Роанну. Та лежала на постели; бретелька ее прозрачного платья соскользнула, обнажив плечо.

— Ты что, не слышал?! — возмутился незнакомец и двинулся на Марка.

Уотер остановил его одной рукой — пальцы молниеносно сомкнулись на горле глупца. Под кожей несчастного тут же расплылись багрово-синие пятна от лопающихся сосудов, а выпученные глаза налились кровью. Устранив преграду, Марк отбросил обмякшее тело к стене. Прежде чем Роанна успела закричать, колдун едва заметным жестом заставил ее связки онеметь, и крик превратился в едва слышный шепот.

Присев на край кровати, бородач поманил девушку пальцем, и та, не в силах сопротивляться, приблизилась.

— Итак, Роанна, дочь Эрвина из поселения Корулл, — начал он. — После клеймения «сломанной розой» ты получила прозвище Бэрджи. Что же заставило тебя воровать? Неужели не пользуешься успехом у мужчин? Глядя на твое прелестное личико, в это трудно поверить.

— Что вам от меня нужно? — прошептала она. С каждой секундой в её глазах рос ужас перед этим человеком, который убил гостя без малейших усилий и тени сомнения.

— Верни то, что тебе не принадлежит, — ответил Уотер. — То, что ты забрала у певца внизу.

— Я не понимаю, о чем вы... — начала она, но Марк резко сжал кулак и девушка тут же почувствовала, как из лёгких вышел весь воздух.

— Не лги мне, — в его голосе по-прежнему звучало ледяное спокойствие. — Ты видела, на что способна эта рука. Замечу: у того храбреца шея была вдвое толще твоей.

— У него было всего пять медяков и две серебряные монеты!

— Монеты оставь себе. Меня интересуют записи песен. Достань их из-под матраса и отдай.

Роанна покорно подчинилась. Дрожащей рукой она вытянула десяток мятых листков и протянула бородачу.

— Сложи их аккуратно и разгладь.

Девушка послушно разложила бумаги на постели, бережно расправила каждую ладонью и сложила стопкой, уголок к уголку. Лишь после этого Марк забрал листки и спрятал за пазуху. Он уже направился к выходу, но, прежде чем он коснулся дверной ручки, Роанна вскочила, выхватила припрятанный нож и вонзила его в спину бородача.

Стоило Марку обернуться, как она горько пожалела о своем поступке. Его глаза, полыхнувшие яростным синим пламенем, обдали её волной первобытного ужаса. Она закричала, рухнула на пол и, закрыв лицо руками, забилась в истерике. На сей раз магия не сдерживала её голос — пронзительный вопль разнесся по всей таверне.

Томас оборвал песню, спрыгнул со стола и первым бросился наверх, на зов попавшей в беду женщины. За ним поспешили и остальные. В коридоре он на секунду замер, определяя нужную дверь, и ворвался в комнату.

Уолкер сразу узнал Роанну — ту самую, что обокрала его, но злости он не ощутил. Он опустился рядом с ней, мельком взглянув на труп у стены. Других людей в комнате не было.

— Эй, — позвал Томас, пытаясь отнять её ладони от лица. — Что случилось?

Когда она наконец открыла глаза, Уолкер невольно отшатнулся, а в толпе за спиной раздался тревожный шепот. Глаза девушки стали абсолютно белыми, затянутыми мертвенной пеленой. Она слепо повела головой и выдавила прерывистым голосом:

— Оно не человек... И даже не колдун. Оно — нечто иное.

Роанна засмеялась, тихо и зловеще, а её тело затряслось от мелкой дрожи. Томас прижал её к себе, пытаясь успокоить.

Уолкер залпом осушил стакан самогона и вытер рукавом влажные губы. «Огненная вода» обожгла горло и разлилась по телу спасительным теплом. Он не жаловал крепкое спиртное, но сейчас оно было ему необходимо: хотелось вытравить из памяти образ ослепшей Роанны и ее искаженное ужасом лицо. Последнее, что довелось увидеть девушке, оказалось столь невыносимым, что разум её не выдержал.

— А ты почему не пьешь? — спросил Томас Марка Уотера, сидевшего напротив. Тот хранил бесстрастие, разглядывая кружку с элем. — Что же она приметила перед тем, как лишиться зрения? И какая сила выжгла ей глаза?

Марк поднял стакан и в три глотка опустошил его.

— Ты говоришь так, будто сочувствуешь ей.

— Конечно, сочувствую! — горячо отозвался Томас.

— Но ведь ты сам твердил, что эта девица едва не отправила тебя на тот свет. Отчего же ты не рад возмездия?

— Я никогда не желал зла ближнему, Марк. Если и приходилось причинять вред, то лишь ради спасения — своего или чужого. И уж точно без тени удовольствия.

Томас задумчиво посмотрел на влажное дно стакана, где дрожали последние капли мутной жидкости, и отодвинул его на край стола.

— А записи, которые она похитила? — подал голос Марк. — Неужто не жаль утраченных трудов?

— Жаль, — кивнул Томас. — Но в нынешнем своем состоянии Роанна вряд ли вспомнит, куда их спрятала.

Веселье в таверне тем временем вспыхнуло с новой силой. Кто-то вновь затянул песню Уолкера, его подхватили другие, а вскоре в общий гул вплелись и капризные ноты скрипки. Одна из местных девиц подскочила к Томасу, пытаясь увлечь его в танец, но тот мягко отклонил приглашение. Тогда она обратилась к Марку. К удивлению Томаса, угрюмый бородач согласился, и пара направилась к площадке у стойки.

Уотер оказался на редкость искусным танцором. Несмотря на мощное телосложение, он двигался легко и ритмично. Вскоре остальные пары расступились, и Марк с партнершей остались в центре круга под одобрительные хлопки толпы. Томас тоже поднялся и, пошатываясь на ослабевших ногах, подошел ближе. Марк кружил девушку так лихо, что подол её платья взлетал, обнажая белые панталоны. Девушка заливисто смеялась и вскрикивала от восторга, когда великан подбрасывал её вверх, а затем ловко подхватывал, продолжая танец. Уолкер почти ничего не знал о своем спутнике, но теперь видел: за внешностью неотесанного лесоруба скрывалась неожиданная грация.

Когда музыка стихла, разгоряченная танцем девушка прильнула к Марку, осыпая его поцелуями, и потянула за собой на второй этаж. И в этот раз Уотер не стал противиться, послушно последовав за ней. Как только они скрылись, завсегдатаи вновь окружили Томаса, умоляя спеть еще.

Уолкер сдался, хотя душа к веселью не лежала. Он запел, но в этой песне не было ни капли прежнего задора. Это была печальная баллада о рыбаке, который грезил о великом улове и небывалой славе, но обрел лишь вечный покой на дне самого глубокого озера в Молодом Мире.

Томас добрался до постели лишь за пару часов до рассвета. Хозяин таверны, сочтя его особо важным гостем, выделил певцу лучшую комнату. Хотя покои оказались далеко не столь роскошными, как их расписывал трактирщик, двум девицам, решившим скрасить Томасу ночь, обстановка пришлась по вкусу. Они с восторгом оглядывали стены и потолок, будто видели их впервые, после чего разом скинули наряды и улеглись по обе стороны кровати. У Уолкера хватило сил лишь стянуть куртку; он рухнул лицом в подушку и мгновенно провалился в сон.

Снилась ему всё та же комната в Торайесе. Те же девушки мирно спали на краю постели, отвернувшись от него и укрывшись простынями до поясицы. Во сне он вздрогнул от скрипа входной двери. На пороге стояла Роанна в том же платье, что и при их первой встрече. Она слепо выставила руки вперед, пытаясь нащупать дорогу в темноте. Её мертвые глаза были устремлены в потолок, а кожа лица была иссечена лезвием — на щеках и лбу кровавыми строчками проступали слова песен, наброски которых она у него украла.

— Роанна! — прошептал он, похолодев от ужаса. — Кто сотворил с тобой такое?

Девушка опустила руки и уставилась на него белесыми глазницами. Её исполосованных губ коснулась презрительная усмешка.

— Ты, Томас. Неужто не помнишь?

После этих нелепых обвинений Роанна мелкими шагами подошла к кровати. В её руках чудесным образом появилась кипа исписанных листков.

— Забирай! — потребовала она.

— Что это? — вскрикнул он, хотя и сам прекрасно знал ответ.

— Твои песни, — ответила она. — Разве не ради них ты изуродовал мне лицо и лишил зрения? Бери же, раз они тебе дороже совести!

Она швырнула листы в его сторону. Томас рефлекторно вскинул ладони, защищая лицо, и вовремя: бумага оказалась острее бритвы. Уолкер закричал и в ужасе проснулся.

За окном уже вовсю сияло утро. Желтеющая ветвь дуба приветственно покачивалась за стеклом, пропуская в комнату косые солнечные лучи. Девушки продолжали мирно спать, в точности повторяя позы из его кошмара. Когда входная дверь со скрипом начала открываться, Томас замер, ожидая увидеть на пороге изувеченную Роанну. Однако утренняя гостья оказалась Марк Уотер.

— Поднимайся, — бросил бородач. — Внизу тебя ждут люди губернатора. Надеюсь, ты не забыл, что сегодня вечером поешь на свадьбе его дочери?

3.

Томас настоял, чтобы Марк поехал с ним к губернатору. Он не желал так просто расставаться со своим спасителем, к тому же в глубине души его тяготило чувство неоплаченного долга.

— Надеюсь, твой друг подождет еще денек-другой?

— Подождет, — безучастно кивнул Марк. — Мертвецы всегда отличались отменным терпением.

Как выяснилось, Уотер прибыл в Торайес, чтобы навестить могилу старого знакомого, скончавшегося от лихорадки десять лет назад. И хотя этот поступок говорил о Марке как о верном друге, Томас всё еще почти ничего не знал о своем спутнике. Расспрашивать же напрямую он не решался, считая себя человеком излишне тактичным.

Губернатор прислал за певцом карету, чьи размеры и пышность заставляли прохожих сворачивать шеи. Лакированный черный кузов украшали золотые узоры и платиновые вензеля. В упряжке замерли четыре вороных мерина с коротко подстриженными гривами и хвостами, заплетенными в изящные косы. Лакеи распахнули дверцу сразу после того, как суровый офицер в мундире уточнил личность гостя: тот ли он певец, который должен вечер выступить на свадьбе дочери губернатора?

— Он самый, — подтвердил Томас. — Можете не сомневаться.

— А это кто? — солдат кивнул в сторону Марка.

— Мой близкий друг и помощник.

— Он не поедет. В приказе указано только ваше имя.

— Тогда передайте губернатору, что и я остаюсь, — решительно отрезал Томас и для верности отступил от подножки.

Солдат с минуту буравил его тяжелым взглядом, после чего коротко кивнул и забрался на козлы к кучеру. Томас исполнил короткий победный танец и махнул Марку. Внутри их ждали мягкие кресла, душистые подушки и подносы, полные фруктов.

Карета мягко покатила по мостовой в сторону загородного замка.

Томас немедленно принялся за виноград, запивая его прохладным мёдом, в то время как Марк уселся напротив и погрузился в созерцание проплывающего за окном пейзажа.

— Ты почему не ешь? — спросил Томас, обрывая ягоды с тяжелой грозди.

— Нет аппетита, — отозвался Марк, не оборачиваясь. — Никогда не ем по утрам.

— Зря. Еда дает телу крепость, а духу — бодрость. Расскажи лучше, чем ты промышляешь, Марк Уотер? — Томас рассудил, что момент для расспросов настал самый подходящий.

— Я обычный Скиталец, — ответил тот. — Бродяжничаю по землям, помогаю людям. Тем и живу: пью эль да катаюсь в каретах.

На последних словах губ Марка коснулась тень улыбки. Томас усмехнулся в ответ.

— А я-то возомнил, будто это у меня жизнь беззаботная. Выходит, мне есть чему у тебя поучиться.

— Буду рад, если ты и дальше составишь мне компанию, — произнес Марк, и его суровое лицо на миг стало почти привлекательным.

— Это было бы чудесно, но я певец, Марк. У меня есть обязательства перед теми, кто платит за мои песни. Я не волен сам выбирать дорогу. Хотя и люблю созерцать горизонт, к которому меня ведёт нужда.

— У тебя редкий дар, — кивнул Уотер. — Ты сам сочиняешь и сам поешь. Твой голос берет за душу, а мотивы врезаются в память. Скоро о тебе заговорит весь Молодой Мир.

— Эх, Марк, бередишь ты мою старую мечту. Хочется славы, что переживет меня. Хочется заработать на свой дом и клочок земли, пусть даже тратиться на них и не стану, а не перебиваться от трактира к трактиру.

— Уверен, у тебя всё получится.

— Спасибо на добром слове, приятель. — Томас потянулся за новой порцией винограда, но рука его замерла. — Боюсь только, сложно будет восстановить то, что украла Роанна... Бедная девчонка.

Марк молча залез за пазуху и протянул Томасу стопку аккуратно сложенных листков.

— На, держи.

Уолкер едва не поперхнулся. Он отшвырнул виноград и дрожащими руками принял знакомые записи. Радость захлестнула его: здесь были все наброски, которые он уже и не надеялся увидеть.

— Откуда они у тебя?! — Томас лихорадочно перелистывал страницы.

— Разве это важно? — спросил Марк. — Главное, что они снова у тебя.

Поначалу Томас не расслышал ответа, оглушенный удачей, но когда смысл слов дошел до него, восторг сменился глухим недоумением. Он поднял голову и пристально посмотрел на спутника.

— Эти листки были у Роанны. Как они оказались у тебя?

— Ты разве не рад? — Марк нахмурился.

— Дело не в радости! Ты не мог получить их иначе, как отняв силой у той несчастной!

— У несчастной, которая тебя обобрала и едва не убила, — напомнил Марк ледяным тоном.

— Ты не ответил на вопрос, — сухо произнес Томас. В глубине глаз Марка ему померещилось странное синее свечение, холодное и пугающее.

— Тебе стоит быть благодарным за то, что я вернул твоё добро, — чеканя каждое слово, произнес Уолкер.

— Охрана! — внезапно выкрикнул Томас и со всей силы застучал в стенку кареты.

Экипаж тут же замер. Послышались тяжелые шаги, и дверца распахнулась.

— Что-то случилось, касс Уолкер? — спросил офицер.

— Да, — кивнул Томас, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Мой друг передумал. Он сойдет здесь.

Напряженное молчание между путниками сказало солдату больше любых слов. Он положил ладонь на рукоять меча и обратился к Марку:

— Прошу вас на выход, тавв.

Марк еще какое-то время буравил Томаса тяжелым взглядом, прежде чем подняться и выйти из кареты. Солдат с грохотом захлопнул дверцу и вернулся на козлы. Пока экипаж не тронулся, Томас и Марк продолжали эту немую дуэль через оконное стекло — никто не желал отводить глаз первым. Но стоило кучеру хлестнуть коней, как фигура Уолтера исчезла из виду. Томас наконец выдохнул и бессильно откинул голову на спинку кресла. Впервые за долгие годы ему было по-настоящему страшно. В этом странном человеке крылось нечто необъяснимое, способное за считанные минуты вселить в душу ледяной, первобытный ужас.

Губернатор Торайеса, Дориан Рап Фус Гал Блек, принял певца как самого почетного гостя. У ворот замка Томаса встречала целая свита. Его провели в самое сердце роскошного дворца, где после краткой аудиенции с хозяином и его семьей Уолкеру предоставили гостевые покои. Там он мог смыть дорожную пыль, переодеться и отдохнуть перед торжеством, которое обещало затянуться до самого рассвета, а то и на два дня.

Путь по запутанным дворцовым коридорам привел его в тронный зал. Дориан Рап Фус Гал Блек лично вышел навстречу гостю. Пожимая Томасу руку, он упомянул, что наслышан о

его таланте от многих ценителей прекрасного. Томас, проявив завидную тактичность, поблагодарил за прием и сам выразил желание познакомиться с домочадцами губернатора. Жена правителя оказалась удивительно молодой женщиной — на вид ей нельзя было дать и восемнадцати, в то время как две дочери губернатора были уже в зрелом возрасте, под тридцать. Все три дамы встретили певца лучезарными улыбками. В их глазах вспыхнул тот самый интерес, который Томас привык раздувать до настоящего пламени страсти. Однако на сей раз он решил поостеречься: интрижки с женами и дочерьми высокопоставленных особ всегда пахли неприятностями. Поэтому он лишь почтительно склонил голову, прижав кулак к сердцу.

Разумеется, Томаса попросили спеть. Он исполнил старинную народную балладу, известную каждому в Восточных землях Молодого Мира. Когда последние ноты затихли, зал взорвался искренними аплодисментами. Громче всех хлопала невеста, сокрушаясь, что её избранник не составил ей компанию в этом гновения. Губернатор, довольный произведенным эффектом, велел позвать своих лучших музыкантов, чтобы Томас успел отрепетировать с ними программу. Обычно Уолкер пел а капелла, изредка подыгрывая себе на скрипке, но работа с профессиональным оркестром обещала превратить выступление в истинное наслаждение.

Завершив все формальности и репетиции, Томас наконец оказался в своей комнате на втором этаже. После горячей ванны и плотного обеда он рухнул на огромную мягкую постель. Сон сморил его почти мгновенно, и певец проспал добрых четыре часа.

Он открыл глаза за минуту до того, как в дверь постучали. Служанка принесла парадный наряд, расшитый золотом, и напомнила, что гости уже собираются в саду. Когда девушка ушла, Томас принялся облачаться в праздничные одежды. Именно в этот момент, когда он застегивал камзол, за его спиной раздался знакомый голос:

— Почему ты так поступил со мной?

Томас вскрикнул и резко обернулся. Марк Уотер сидел в глубоком кресле, небрежно скрестив ноги и положив руки на подлокотники. Он смотрел на певца исподлобья, чуть опустив голову. В его позе читалось странное сочетание величия, сокрушительной силы и затаенного гнева.

— Как ты здесь оказался? — спросил Томас, затравленно озираясь в поисках лазеек, через которые Уотер мог проникнуть в запертые покои.

— Я вернул твои песни, а ты взамен отказался от моего общества. Больше того — я спас твою жизнь!

— Мне не нужны союзники, способные на подлость и жестокость, — отрезал Уолкер.

Марк медленно, с грацией, совершенно несвойственной мужчине его комплекции, поднялся с кресла и подошел к Томасу вплотную. Певец не шелохнулся — не потому, что обрел храбрость, а потому, что отступать было некуда: он уперся в край постели.

— Ты жалеешь ту, что жаждала твоей смерти, — негромко произнес Марк, — и презираешь того, кто протянул тебе руку помощи.

— Я бы с радостью принял её, но не такой ценой, — продолжал гнуть свою линию Уолкер. Ему было невыносимо страшно перечить этому человеку, ведь с каждой минутой крепла уверенность: перед ним стоит некто иной, лишь притворяющийся смертным.

— Величие всегда требует жертв.

— Я к ним не готов.

— Тогда ты ничего не добьешься, — убежденно заявил Уотер. — Твой талант так и останется забавой для случайных зевак.

— А тебе-то что? — сорвался на крик Томас. — Какое тебе дело до моей славы?

— Ты просто напомнил мне меня самого... столетней давности. Когда я был таким же глупым юнцом.

После этих слов последние сомнения Томаса отпали. Марк Уотер определенно не был человеком. Но кем же тогда?

— Кто ты?

— Я надеялся на дружбу, — вместо ответа произнес гость. — Хотел стать твоим покровителем, вознести тебя к вершинам славы, а ты, в свою очередь, напоминал бы мне о том, что значит быть просто «человеком». Но, видимо, я ошибся в тебе.

Голубые глаза Марка вспыхнули неестественным светом, а борода и волосы на глазах начали покрываться сединой. Он молниеносно вцепился Томасу в горло. Уолкер не успел даже вскрикнуть: хрящи и шейные позвонки под чудовищным давлением затрещали и лопнули. Глаза Томаса налились кровью, рот судорожно открылся. Его руки и ноги еще мгновение бились в предсмертной конвульсии, а затем обмякли. Последнее, о чем успел подумать несчастный бард, — это как сильно он подведет губернатора и гостей своим исчезновением. Дух его покинул плоть, отправляясь к бессмертному паромщику.

Марк Уотер отбросил бездыханное тело на кровать и замер, безучастно глядя на посиневшее лицо певца. Спустя миг облик колдуна начал стремительно меняться, пока не превратился в точную копию Томаса Уолкера.

В дверь снова постучали. Служанка вошла лишь тогда, когда колдун позволил ей это громким: «Войдите!», предварительно заставив труп настоящего парня исчезнуть одним взмахом руки.

— Касс Уолкер, вы готовы? Гости заждались.

— Я скоро спущусь, — отозвался «Томас». — Осталось лишь надеть запонки.

Девушка кивнула и вышла. Колдун дождался, пока дверь закроется, и пару раз моргнул. Его карие глаза подернулись дымкой, приобрели голубой оттенок, а затем и вовсе стали пронзительно-синими. К этому цвету Марк привык больше всего. Океан Надежд лишил его почти всех чувств, но привычки искоренить не смог. К тому же синий был цветом его истинной Силы.

Марк Уотер провел ладонями по густым светлым волосам, вскинул голову и примерил новую, обворожительную улыбку.

Глава 2: Старый Мир

1.

Кевин Нолан очнулся в поле среди желтеющих стеблей кукурузы. Они шелестели тихо и таинственно под куполом ярко-синего неба. Земля под ним была теплой и мягкой. Совсем рядом, у самого уха, раздался шорох. Кевин повернул голову и столкнулся взглядом с мышонок. Зверек сидел на задних лапках, тревожно шевеля усами и изучая человека бусинками черных глаз. Решив, очевидно, что этот великан не представляет угрозы, мышонок опустился на землю и скрылся в зарослях по своим неотложным делам. Проводив его взглядом, Кевин вновь уставился в небо, где медленно парила птичья стая, а затем переключил внимание на божью коровку. Та неспешно прогулялась по широкому листу и, достигнув края, расправила крылья и исчезла в вышине.

Оглядевшись и не найдя больше ничего примечательного, Кевин задумался: как он здесь оказался и кто должен быть рядом? Если на первый вопрос ответа не находилось, то на второй он мог ответить не раздумывая. Рядом должны быть Клэр и Кэти. Его жена и дочь.

Сколько времени прошло с их последней встречи? Слишком много для любящего отца. Слишком много для семьянина, которым он себя считал. Этого времени хватило, чтобы в груди поселилась тупая, ноющая тоска.

Память неохотно возвращала фрагменты прошлого. Вот они с Клэр стоят у алтаря в окружении родных, обещая друг другу верность. Зал был заставлен вазами с белыми цветами, и их сладкий аромат лишь подчеркивал торжественность момента. А вот они, смеясь и пригибая головы, выбегают из капеллы под «дождь» из риса. Тогда им казалось, что это лучший день в их жизни, но истинное счастье пришло позже — вместе с рождением Кэти. Отцовство захватило его целиком: он кормил малышку из бутылочки, менял пеленки по ночам и часами баюкал её на руках, когда она просыпалась с плачем. «Папина дочка», — с легкой обидой, но неизменной улыбкой говорила Клэр, видя, как в руках Кевина девочка мгновенно успокаивается.

Нолан отдал бы всё на свете, чтобы вернуть те дни.

Он попытался приподняться на локтях, но к горлу тут же подступила тошнота. Тяжелый ком поднялся по пищеводу, желудок трижды скрутило спазмом. Когда приступ прошел, Кевин поднялся на ноги, вытирая рукавом холодный пот со лба. Кукуруза оказалась выше, чем виделась лежа: стебли в полтора человеческих роста надежно скрывали горизонт, не давая понять, в какой стороне край поля.

— Клэр! — выкрикнул он, прежде чем рассудок напомнил: жены здесь быть не может. Вот уже полгода он находился не в привычном мире, а в иных реальностях. В Ближних Мирах. И это, судя по всему, был третий из них — Старый Мир.

Жена не отозвалась, что было ожидаемо, но зов не остался без ответа.

— Кевин! Где ты?

Нолану потребовалась минута, чтобы осознать, чей это голос, прежде чем в памяти всплыло имя: Солнечный Луч. Женщина из индейского племени, такая же жертва обстоятельств, как и он сам, потерявшая перед началом странствий близкого человека.

— Я иду к тебе! — прокричал он, продираясь сквозь заросли в сторону голоса.

— Я здесь!

— Стой на месте, я сам тебя найду!

Он отсчитал около двухсот шагов, расталкивая жесткие стебли, пока впереди не послышался ответный шелест. Стоило им сблизиться, как Солнечный Луч бросилась в его объятия. Это было понятно: для неё, впервые совершившей переход между Мирами, Кевин оставался

единственной связью с привычной реальностью. В волосах женщины запутались кукурузные рыльца и сухая шелуха, а в глазах застыл испуг.

— О, Кевин! Кевин...

— Успокойся, — прошептал он, поглаживая её по густым черным волосам и стряхивая мусор.

— Что это за место? Куда мы попали?

— Если мы покинули Зрелый Мир, значит, мы в Старом. А это повод для радости, а не для слез, — он взял её за плечи и слегка отстранил, заставляя посмотреть в глаза. — Теперь до Мира Вечности рукой подать.

— Я знаю, — кивнула она, стараясь унять дрожь. — Но меня напугало не само место. Пока я искала тебя, я слышала в кукурузе чьи-то шаги и невнятный голос. А вдруг здесь водятся хищники?

— Не бойся, в кукурузе хищникам делать нечего, — заверил он её. — Скорее всего, это был Марк.

Это предположение показалось Кевину вполне разумным, но на лице Солнечного Луча облегчения не появилось. Нолан и раньше замечал её недоверие к Марку Уотеру, но никак не мог понять его причин. Он пытался вызвать женщину на откровенный разговор, но та лишь уходила от ответа. Подозрения подтвердились в доме Рональда Белфаста, где Солнечный Луч намекнула, что Марк мог быть причастен к «самоубийству» хозяина. Тот разговор прервал внезапный порыв ветра, распахнувший окна. Откуда он взялся, Кевин не знал, но предпочел не искать в этом мистики.

— Нет, это был не он, — покачала она головой. — Голос принадлежал кому-то другому. Мальчишке.

Прежде чем Кевин успел подобрать слова утешения, издалека донесся новый крик:

— Эй, ребята, где вы?!

Голос и вправду принадлежал юноше лет двадцати. Он показался Кевину смутно знакомым, хотя тот понятия не имел, где мог слышать его раньше.

— Кто это?! — прокричал в ответ Нолан.

— Альберт! Альберт Дрейк! — отозвался невидимый собеседник.

В первый миг Кевин и Солнечный Луч испытали облегчение, но следом Нолана захлестнул гнев.

— Как он здесь оказался? — изумилась женщина.

— Хороший вопрос. Думаю, стоит задать его ему самому.

— Может, у нас ничего не получилось и мы всё еще в Зрелом Мире?

— Нет, — Кевин решительно зашагал в сторону Дрейка. В том, что они совершили переход, он не сомневался. Он отчетливо помнил тошноту и дезориентацию при пробуждении в Зрелом Мире под орешником. Сейчас ощущения были идентичными: провал в памяти, головокружение и спазмы в желудке.

Альберт Дрейк встретил их широкой улыбкой. В руках он сжимал початок кукурузы с парой следов от укусов. Похоже, прыжок между мирами вызвал у парня не приступ рвоты, а зверский аппетит. Отбросив огрызок в сторону, он двинулся им навстречу, но хмурые взгляды мужчины и женщины заставили его остановиться, а улыбку — сползти с лица.

— Как ты здесь очутился? — потребовал ответа Кевин.

— Случайно. Я упал в колодец, — произнес Альберт с самым невинным видом. — Честно! У меня и в мыслях не было преследовать вас.

— Ты хоть понимаешь, что теперь не сможешь вернуться домой?

— Ну, если честно, я об этом как-то не думал. Но, учитывая мою тягу к приключениям, я не слишком расстроен.

— Ты Марка не видел? — Нолан решил сменить тему, понимая бесполезность споров.

— Нет, — парень поправил поля фетровой шляпы, изрядно утратившей свой лоск. — Но уверен, с ним всё в порядке.

Кевин пропустил это замечание мимо ушей. Сложив ладони рупором, он прокричал в пустоту поля:

— Марк! Марк Уотер, отзовись!

Ответом был лишь сухой шелест листьев. Куда мог подеваться их спутник? Кевин втайне надеялся, что в этот раз Марк не угодил в плен к очередным дикарям.

— Касс Уотер! — рявкнул и Альберт, желая показать свою полезность.

И, как ни странно, это сработало. Нет, Уотер не отозвался, но вместе с дуновением ветра до их ушей донесся другой звук — протяжный, резкий сигнал. Кевин готов был поставить жизнь на то, что это был гудок автомобиля. Звук, который в прошлой жизни он слышал так часто, что перестал замечать. Теперь же этот сигнал взбудоражил его до глубины души. Не говоря ни слова, он сорвался с места и побежал на звук клаксона.

— Кевин, стой! — крикнула Солнечный Луч, но тщетно.

Нолана обожгла шальная мысль, которую он должен был проверить немедленно. Она казалась невероятной, безумной, но столь желанной, что обсуждать её с индейской женщиной или парнишкой из альтернативного Дикого Запада не было смысла. Если это и впрямь был гудок машины, они бы ничего не поняли. Кевин и сам не понимал, как могло случиться, что вместо Старого Мира он вернулся в свой родной дом, где властвуют законы логики и где ждут его близкие.

Он бежал по рыхлой земле, ничего не видя перед собой. Початки кукурузы больно били по груди, рукам и бедрам, но эйфория всё притупляла. Гнались ли за ним Солнечный Луч и Альберт — Кевину было всё равно. Сейчас существовала только его семья. Сердце бешено колотилось, дыхание сбилось, пот заливал глаза, но он не останавливался. Желание увидеть автомобиль было сильнее любой усталости.

Кукурузные стебли расступились, и он выбежал на заасфальтированную дорогу. Столь простая вещь, как полоса асфальта, вызвала в его душе невероятный прилив восторга. Кевин не удержался: опустил на корточки и прижал ладони к шероховатой поверхности. Покрытие было горячим и густо пахло разогретой смолой. Когда он поднял руки, на коже остались черные пятна. Ладони начали стремительно краснеть от ожогов, но Нолан продолжал не чувствовать боль — эндорфины в крови блокировали защитные сигналы мозга.

Поднявшись, Кевин огляделся. Налево уходила бесконечная ровная нить шоссе, зажатая с обеих сторон кукурузными полями. А справа, в пяти сотнях шагов, он увидел автомобиль, неторопливо катящийся в его сторону. Это не был антикварный «Форд-Т» или «Студебекер». Это был «Крайслер», судя по обводам кузова — прямиком из двадцать первого века.

Кевин замер, провожая машину сияющим взглядом. Водитель, заметив человека у дороги, приветственно посигналил. За рулем сидел седовласый мужчина в строгом коричневом костюме. Сперва он притормозил, явно намереваясь поздороваться или предложить помощь, но, разглядев чумазое лицо Кевина, его безумные, широко распахнутые глаза и глупую улыбку до ушей, передумал. Водитель резко ударил по газам и промчался мимо, решив, что безопаснее будет держаться от этого парня подальше.

Нолан проводил машину взглядом и весело рассмеялся. Он не верил своему счастью: он вернулся! Вернулся в свой мир, миновав и Старый Мир, и таинственный Мир Вечности.

Вдалеке справа Кевин приметил очертания строения, подозрительно похожего на автозаправку. Не раздумывая, он бросился туда.

— Кевин, постой! — донесся сзади тревожный, надрывный голос Солнечного Луча.

С трудом заставив себя затормозить, Нолан обернулся.

— Нам нужно туда! Скорее!

— Зачем? — выдохнула она, когда через пару секунд рядом с ней возник запыхавшийся Альберт Дрейк.

На фоне современного шоссе они выглядели дико: женщина в индейских одеждах и парень в потрепанном старомодном костюме казались персонажами из фильмов о путешественниках во времени. Кевин не видел себя со стороны, но вряд ли его облик был менее нелепым.

— Там заправка! Нам нужно туда, понимаете? — зачастил Кевин, проглатывая знаки препинания, и снова рванул вперед, бросив через плечо: — Идемте же, не отставайте!

Не дожидаясь их, он сорвался на бег, хотя легкие уже горели от усталости. С каждым шагом силуэты впереди обретали четкость: заправочные колонки, стенды с моторными маслами, высокая вывеска с ценами на бензин. Вскоре он разглядел и человека в синем заляпанном комбинезоне. Тот, прищурившись, смотрел на бегуна из-под козырька бейсболки и методично тер какую-то деталь двигателя грязной тряпкой. Смуглое лицо заправщика было изрезано глубокими морщинами, хотя по иссиня-черным волосам без единой проседи ему нельзя было дать больше пятидесяти.

Когда до мужчины осталось шагов двадцать, Кевин замедлился. Он едва передвигал ноги, держась за колющий бок и пытаясь восстановить дыхание. Сил не хватало даже на простое «привет».

— За вами кто-то гонится? — встревоженно спросил работник, глядя за спину Кевина.

— Все... в порядке, — выдавил Нолан, делая длинные паузы между словами. — Это мои... друзья.

— Странная у вас компания, — без тени иронии заметил заправщик.

— Да уж, — согласился Кевин. — Не подскажете... какой это штат?

Заправщик нахмурил лоб, отчего морщины на его лице стали еще глубже.

— Не понял вопроса.

— Небраска? Может, Индиана?

— Чего?

В груди Кевина шевельнулось нехорошее предчувствие. Оно скреблось внутри и ехидно шептало, что Клэр и Кэти вовсе не так близко, как он надеялся. Превозмогая страх, он переформулировал вопрос.

— Какая это губерния, тавв?

Лицо мужчины мгновенно прояснилось, и эта ясность стала для Кевина ударом под дых. В этот момент его наконец настигли Солнечный Луч и Альберт, тяжело дыша по обе стороны от него.

— Это губерния Тартуис, сынок, — ответил заправщик. — Самое забытое Океаном Надежд место во всем Старом Мире.

2.

Поиски Марка Уотера не дали результатов: он как в воду канул. Альберт и Кевин, разойдясь в разные стороны, прочесывали кукурузное поле, оглашая окрестности его именем. Солнечный Луч предпочла остаться на краю дороги. Кевин видел страх в её глазах: высокие, тесно стоящие стебли казались ей чем-то чуждым и зловещим. Всю жизнь она провела в засушливых, бесплодных землях и видела столь буйную растительность впервые, так что её опасения были вполне обоснованны. Прежде чем оставить её одну, Кевин попросил женщину не выходить на проезжую часть, чтобы случайно не попасть под машину — те несли в себе куда больше опасности, чем кукуруза.

Спустя час бесплодных поисков Кевин вернулся на дорогу, раздосадованный и погруженный в раздумья. Альберт Дрейк, напротив, не сдавался: его крики доносились откуда-то из самой глубины поля. Парень из кожи вон лез, стараясь доказать свою полезность.

— Куда он мог пропасть? — с горечью произнес Кевин. — Я себе не прощу, если с ним что-то случится.

— Уверена, Марк Уотер не из тех людей, с кем может «что-то случиться», — попыталась приободрить его Солнечный Луч. — Наверняка скоро объявится.

— Мне хочется в это верить, но сердце подсказывает, что всё не так просто.

Солнечный Луч сняла с запястья шнурок с нанизанными на него бусинами и жестом попросила Кевина протянуть руку. Когда он подчинился, она бережно завязала амулет на его запястье.

— Это оберег. Он защитит тебя от Темных Сил.

— Думаешь, они мне угрожают?

— Лишняя осторожность не помешает.

— И как он работает? — Кевин с любопытством оглядел подношение. — Я стану неуязвимым?

— Нет, ты станешь для них невидимым. В некоторых обстоятельствах это куда важнее.

— А у тебя нет случайно амулета, который помогает искать пропавших друзей?

— Таких, к сожалению, нет.

Кевин мельком взглянул на подарок и тут же потерял к нему интерес, вновь погружившись в тревогу о спутнике, с которым начался его долгий путь к Океану Надежд. Между ними повисло молчание. Они стояли у обочины, глядя на кукурузные ряды, мирно колышущиеся на ветру. Голос Альберта вдали становился всё тише и неразборчивее.

— Он много рассказывал о себе? — наконец нарушила тишину Солнечный Луч.

— Достаточно, — ответил Кевин. — Марк Уотер — далеко не самый скрытный человек из всех, кого я знал. Еще в Молодом Мире он поведал немало: в скольких краях бывал, сколько таверн посетил, скольких людей повидал. Говорил даже, что одно время работал певцом в кабаке, но быстро остыл к этому делу. Хотя голос у него и впрямь превосходный.

Кевин замолчал, уставившись на свои ботинки. Воспоминания всколыхнули в нем чувство вины.

— Однажды он пел дуэтом с Линин — девушкой, что сопровождала меня к Океану, но так и не дошла даже до Зрелого Мира.

— Что с ней случилось? Помню, во время ливня ты вскользь упомянул её, но без подробностей.

— Её убили, — нехотя выдавил Кевин. — Убил тот, кому я доверял.

— О ком ты? — женщина не скрывала интереса.

— О злом и двуликом человеке. Он звал себя Тифом, хотя настоящее его имя было Джеймс Фостер.

— Ты сам видел, как этот Фостер расправился с ней?

Вопрос был ожидаемым, и всё же Кевину показалось, что Солнечный Луч задала его с каким-то подтекстом.

— Нет, я этого не видел.

— Тогда почему ты так уверен, что виновен именно он? — на этот раз в её голосе прозвучал вполне прозрачный намек.

— К чему ты клонишь? — помрачнел Нолан.

— Просто любопытство. Вдруг ты обвиняешь невиновного?

— Он виновен, Солнечный Луч. У меня нет сомнений.

— Почему?

— Потому что перед смертью девушка сама назвала его имя! — жестко отрезал Кевин. — Думаю, этого более чем достаточно. Чего ты добиваешься этими расспросами?!

В глазах Солнечного Луча промелькнул испуг. Казалось, она долго подталкивала Кевина к какому-то выводу, но когда он подошел к нему вплотную, сама ужаснулась результату.

— Тебе не нравится Марк Уотер, и я не могу понять почему, — Кевин решил не отступать. Теперь ему нужны были ответы.

— Это не так, — она покачала головой, но в её словах не было искренности.

— Ты что-то видела? Или он тебе что-то сказал?

— Нет, Кевин, ничего такого.

— Тогда почему ты решила, что Марк причастен к смерти Рональда Белфаста? — напирал Нолан, желая докопаться до истины.

— Нет, Кевин... Прошу тебя, давай больше не будем об этом. Я зря начала этот разговор.

Кевин с минуту глядел в черные глаза женщины, взиравшей на него с мольбой, после чего тяжело вздохнул и решил отступить. К тому же в этот самый момент из-за кукурузных стеблей показался уставший и понурый Альберт Дрейк. Он лишь развел руками, давая понять, что поиски не принесли плодов.

— Я не нашел ни намека на его присутствие: ни вещей, ни следов, ни даже клочка одежды. Ничего!

— Это скверно, — произнес Кевин. Он заметил, как на лице Солнечного Луча на краткий миг промелькнула улыбка облегчения, тут же сменившаяся разочарованием после его следующих слов: — Но мы продолжим поиски, сколько бы времени это ни заняло.

Кевин понимал, что затея обречена на провал, но не мог не попытаться. В магазинчике при заправке он поднял трубку телефона и набрал номер мобильного своей жены. Как и следовало ожидать, металлический голос автоответчика сообщил, что такого номера не существует. Несмотря на это, он все же решился позвонить бывшему коллеге по работе. Но местная телефонная служба понятия не имела и об этом номере. Кевин вернул трубку на рычаг.

— Что, не удалось дозвониться, сынок? — спросил хозяин заправки, вытирая платком шею, темную от загара.

— Нет, — покачал головой Кевин. — К сожалению, нет.

— Странно, до этого дня проблем со связью не возникало.

— Дело не в телефоне.

— Понятно, — кивнул мужчина. — Не переживай, еще дозвонишься. А что с твоим молодым другом? Он уже целую вечность так стоит.

Кевин посмотрел на Альберта Дрейка. Тот завороченно замер перед автоматами с прохладительными напитками и снеками, с интересом изучая каждое название на упаковках. Нолан подошел и встал рядом, сунув руки в карманы.

— Ты это видел? — восхищенно прошептал Альберт, не оборачиваясь. — Я пытался открыть эту стеклянную дверцу, но она заперта.

— Это торговый автомат. Дверь ты просто так не откроешь. Вот в эту прорезь нужно опустить монету, и тогда получишь то, что выбрал.

— Откуда ты столько знаешь об этих штуках? Неужели видел их раньше?

— Доводилось, — кивнул Кевин. — И не раз.

— Эх, жаль, при себе нет ни гроша, — с грустью вздохнул Дрейк. — Я бы сейчас не отказался от... вот этой штуки.

Альберт ткнул пальцем в стекло, за которым лежал пакет с шоколадными булочками неизвестной Кевину фирмы. Упаковка была яркой и манящей: нарисованная на ней сдоба казалась пышной и румяной, а шоколада, вытекающего из разлома, было явно больше, чем могло поместиться в реальности. Маркетинг в чистом виде.

— У меня та же беда, — произнес Кевин. — Те немногие монеты, что у нас были, остались у Марка Уотера.

— Как думаете, что с ним случилось? — спросил Альберт, на миг позабыв об автоматах.

— Не знаю. Но очень хочу верить, что с ним всё в порядке и мы его скоро отыщем.

— Я тоже на это надеюсь.

Кевин заметил, что парень, в отличие от Солнечного Луча, был искренне привязан к Марку. Что именно так сильно сблизило его с Уотером, Нолан не понимал.

К заправке подкатил автомобиль и коротко просигналил. Хозяин выбежал на улицу, а Солнечный Луч, стоявшая у входа в магазин, поспешила юркнуть внутрь, со страхом наблюдая за машиной. Альберт Дрейк окончательно потерял интерес к еде и прильнул к окну. Кевин решил составить ему компанию. Как и предыдущее авто, это принадлежало незнакомой марке, хотя внешне отдаленно напоминало немецкий «Мерседес».

— И не думал, что Старый Мир так сильно меня удивит, — сказал Альберт, с восторгом глядя, как водитель выходит из салона.

— Вижу, тебе всё это по душе. Не жалеешь, что прыгнул за нами в колодезь?

— Ни капли! — усмехнулся Дрейк. — О таком приключении я и мечтал.

— А что потом?

— Что вы имеете в виду?

— Чего ты ждешь от этого пути? В Зрелый Мир дороги нет. Сможешь ли ты остаться здесь навсегда? Свыкнуться с этими вещами, жить среди чужаков?

Альберт оторвался от созерцания машины и повернулся к Кевину. В его глазах читались тревога и нарастающая обида.

— Вы не хотите, чтобы я шел с вами? Поверьте, я не стану обузой.

— Дело не в этом.

— А в чем же?

— В том, что ты увязался за нами без спроса. Ты не дал нам выбора, просто поставил перед фактом.

— Но вы бы всё равно не рассказали мне правду! И уж точно не разрешили бы пойти с вами.

— Скорее всего, ты прав. Но раз ты и сам это понимаешь, зачем решился на такой безрассудный поступок? — уже не скрывая гнева, спросил Кевин.

— Я ничего у вас не прошу! Если нужно, я уйду прямо сейчас!

— И куда ты пойдешь? — уже спокойнее спросил Нолан.

— А разве вас это волнует? Вы дали понять, что не намерены со мной нянчиться, а я не хочу ловить на себе ваш укоряющий взгляд.

— Пойми, я говорю это из лучших побуждений, — попытался убедить его Кевин. — Наш путь куда опаснее, чем тебе кажется. Для тебя было бы лучше, если бы...

— Не нужно больше слов, — перебил его Дрейк. — Я вас прекрасно понял.

Альберт резко оттолкнулся ладонью от стекла и направился к выходу. Не раздумывая, он повернул налево и зашагал прочь, игнорируя летящие в спину вопросы Солнечного Луча. Кевин чувствовал укол вины, но продолжал убеждать себя, что поступил правильно. Жизнь в Старом Мире могла быть пугающей и опасной для юноши из Зрелого Мира, но это был выбор самого Дрейка. Рядом же с Ноланом шансы парня погибнуть лишь возрастали.

Солнечный Луч вошла в магазин и с тревогой спросила, куда ушел Альберт и почему он был так мрачен.

— Я просто поговорил с ним начистоту, — ответил Кевин. — Так будет лучше для всех, и прежде всего для него самого.

Альберту Дрейку было невыносимо обидно слышать слова Нолана. Гордость не позволила ему остаться и просить о втором шансе. Возможно, будь рядом Марк Уотер, Альберт попытался бы найти аргументы в свою пользу, но он понимал: он оставался в группе лишь потому, что Уотер исчез. Марк наверняка обошелся бы с ним куда грубее, чем Кевин и гораздо раньше.

Парень осознавал, что идти в одиночку по Старому Миру — затея рискованная. Нолан знал об этом месте гораздо больше, но дух авантюризма и непоколебимая уверенность в себе не дали Альберту пасть духом. Не будь он столь безрассудным, он никогда не прыгнул бы в тот колодец. Дрейк был убежден, что не пропадет и даже сможет преуспеть. Его ноги уверенно несли его вперед по ровному шоссе, мимо бесконечных кукурузных полей к горизонту. Сейчас его заботило не одиночество, а отсутствие в кармане хоть какой-то монеты или корки хлеба. Но и здесь нашелся выход.

Альберт сошел с дороги и приблизился к стеблям. Выбрав початки помоложе, он очистил их от шелухи и жестких рыльцев, после чего смастерил из пиджака подобие узла и плотно набил его кукурузой. Этого запаса хватило бы, чтобы заработать несварение на неделю, но зато не умереть с голода. А если посчастливится найти огонь, о проблемах с желудком можно будет забыть.

Он выбрался обратно на обочину как раз в тот момент, когда по дороге промчалось очередное чудо техники, куда больше тех, что стояли на заправке. Водитель, заметив парня, притормозил и просигналил. Альберт нерешительно замер, сделал шаг навстречу, снова остановился. Он не знал, чего ждать от незнакомца. Водителю, видимо, наскучило ждать: машина тронулась и покатила дальше. Лишь тогда Альберт понял, что совершил глупость из-за своей осторожности. Он бросился вдогонку за огромной машиной, крича и отчаянно размахивая руками.

Водитель решил дать ему второй шанс и вновь притерся к обочине. Альберт бежал изо всех сил, боясь, что тот передумает. Добежав до «самоходной кареты», он схватился за дверцу и осторожно потянул её на себя. Та не поддавалась. Он дернул сильнее — безрезультатно. На помощь пришел водитель, толкнув дверь изнутри.

— Приятель, ты что, никогда грузовиков не видел? Залезай скорее!

Альберт лишь вежливо улыбнулся и забрался в кабину, стараясь скрыть пожирающее его любопытство.

— Как звать-то тебя? — спросил шофер. У него были длинные волосы и странная шляпа без полей, но с козырьком над глазами. Рубашка в клетку с коротким рукавом и штаны, напоминавшие ковбойские, дополняли его облик.

— Альберт Дрейк, касс, — ответил он с почтением, полагая, что такой мощной техникой может владеть только очень знатный человек.

— «Касс»? — водитель расхохотался. — Ну ты и шутник! Зови меня просто Ларри Филч. Куда путь держишь, Альберт?

— Не знаю, — честно признался парень.

— А что это у тебя в пиджаке?

— Кукуруза, — не стал юлить Альберт. — Денег на еду нет, так что на первых порах перебиваюсь этим.

— Ты что, из дома сбежал?

— Да.

Ларри достал из кармана пачку сигарет, ловким щелчком выбил одну и зажал её зубами. Он протянул пачку Альберту. Тот не стал отказываться — скорее из интереса, чем из желания курить. Таких идеальных самокруток он еще никогда не видел.

— Прекрасно тебя понимаю, — кивнул Ларри. Он прикурил от плоского металлического предмета и протянул его Альберту. — Я и сам сбежал от папаша лет десять назад. Осточертели его нравоучения и вечные подзатыльники. Человеком он был не злым, но самогон любил куда больше родни. А когда мозги окончательно тонули в выпивке, он принимался за моё воспитание. Я понял, что с меня хватит, когда он решил, что оголенный провод под напряжением — лучший инструмент для порки. Он был толковым электриком, и, надеюсь, остается им по сей день, если его пьяные игры с током не закончились плачевно.

Альберт сделал глубокую затяжку и тут же зашелся в кашле. Ларри со смехом похлопал его по спине и открыл окна. Свежий воздух был сейчас как нельзя кстати.

— Ты что, никогда не курил?

— Курил, — заверил его Альберт, пытаясь восстановить дыхание. — Просто давно не практиковался.

— Ну а ты почему дал деру? Батя тоже за воротник закладывал и учил уму-разуму?

— Нет. Мой отец пил только с друзьями и всегда знал меру. Руку на меня он в жизни не поднимал, хотя голос повышал нередко.

— Тогда что тебя погнало из дома? Неужели он был портным и заставлял носить только то, что шил сам? — усмехнулся Ларри, оглядев Дрейка с ног до головы. — Извини, приятель, но выглядишь ты так, будто собрался на поминки.

Альберт невольно улыбнулся, представив Роберта Дрейка в образе портного — в зеленом жилете, с сантиметром на шее и иголкой между зубами.

— Нет. Мой отец — очень известный поэт, Роберт Мас Вин Дрейк.

Альберт прикусил язык сразу, как только слова сорвались с губ. Откуда жителю Старого Мира знать поэта из Зрелого? Но, к его удаче, Ларри Филч отреагировал равнодушно.

— Извини, друг, в стихах я не силен. Возможно, мне следовало бы гордиться тем, что я подвожу сына самого Роберта Мас Вин Дрейка, но это имя мне ни о чем не говорит. Хотя уверен, на начитанных горожан твои слова произведут впечатление.

— Ничего страшного, я не в обиде, — искренне ответил Альберт.

— Так зачем ты бросил отца, раз так гордишься им?

— Я не хотел всю жизнь прожить в тени его славы. Хотел достичь чего-то сам.

— А вот за это уважаю. Правильный выбор, — Ларри вышвырнул окурочок в окно и сладко зевнул. — Устал я за день. Сейчас не отказался бы от мягкой постели и молодой девчонки под боком.

Ларри рассмеялся, и Альберт вежливо поддержал его, не желая обижать человека, согласившегося его подвезти.

— И куда теперь путь держишь?

— Не знаю, — пожал плечами Дрейк. — Пока цели нет.

— Слушай, если хочешь, поезжай со мной в губернию Калдор. Устрою тебя на работу. Хозяин мой скуповат, но без еды, крова и приличной одежды не останешься. Что скажешь на это, Альберт Дрейк, сын знаменитого поэта?

— Звучит заманчиво. А что мне нужно будет делать?

— Всего понемногу: в основном мешки таскать, да территорию подметать. Ну и баранку крутить, как я.

— Боюсь, с этим у меня возникнут трудности, — со вздохом признался Альберт.

— Это с чем? Мешки таскать или машину водить не умеешь?

— Машину водить, — Альберт попробовал на вкус новое слово, ощущая его необычность.

— Да в этом нет ничего сложного! — воскликнул Ларри и начал сбавлять скорость, прижимаясь к обочине. — Дорога пустая, законников здесь редко встретишь. Я сам тебя научу.

— Ларри, я не уверен, что...

— Не дрейфь, приятель! Доверься мне. У меня врожденный талант учителя. Поверь, через неделю тренировок станешь настоящим водилой. Я тебя так натаскаю, что на права сдашь с первого раза.

— Хорошо, — кивнул Альберт.

Хотя он понятия не имел, о каких «правах» идет речь, перспектива сесть за руль этой грохочущей железной колесницы и заставить её повиноваться приводила его в восторг. Пожалуй, только ради возможности управлять такой машиной стоило переместиться в Старый Мир. Это место нравилось ему всё больше. Здесь он верил, что сможет прославиться. Он еще не знал как, но чувствовал: его уверенность не беспочвенна.

3.

Жуткая боль, рожденная гибелью Вихря, настигла Марка Уотера в самый неподходящий момент — во время перехода между Мирами. Чтобы не сгореть заживо в астральном потоке, ему пришлось экстренно сменить обличье, облачившись в защитный синий балахон, и силой вырваться из портала, созданного Пришельцем.

Он буквально рухнул в лесную чащу Старого Мира, ломая верхушки и ветви вековых деревьев. Грохнувшись на землю, Марк наконец издал крик, который сдерживал до последнего. Эта боль не была для него в новинку, но привыкнуть к ней было невозможно — особенно когда она терзала тебя не по твоей вине. В конвульсиях он размахивал руками и ногами, распахиная землю и в щепки кроша ветви и стволы, до которых мог дотянуться. Всполохи синих молний непрерывными волнами обвивали его тело, выжигая почву под ним. Боль достигла пика и начала отступать — к счастью для Водолея, она уходила быстрее, чем нарастала.

Придя в себя, Марк остался лежать в человеческом обличье, тяжело дыша. Он знал: в следующий раз эта агония вернется к нему лишь после смерти Пожирателя. Колдун в красном не был чистокровным Темным, и Марк надеялся, что его конец не будет столь мучительным для оставшихся Тёмных.

Вихрю не повезло. Уотер кожей чувствовал, что в Пустошь ступил именно колдун в желтом, а не Пожиратель. Жалел ли он его? Отнюдь. Жалость давно покинула сердце Водолея. Вихрь сам был виноват: он не поверил предостережениям о дневнике и не прикончил колдуна в красном еще в доме Белфаста. Желтый был не самым худшим из них, но Марк не собирался горевать. Напротив, он рассчитывал, что та же участь вскоре постигнет и Чёрного.

Если воспоминания о прошлой жизни Вихря почти стерлись, то о Жнеце он еще помнил: в ином воплощении тот был женщиной, и их связывали какие-то отношения, сути которых Марк уже не улавливал. Он помнил о сыне, давно ушедшем в Земли Мертвых. И, конечно, он помнил всё о новом Пожирателе — с Джеймсом Фостером его свели пути, когда он еще не принадлежал к братству Темных. Сейчас главным было найти колдуна в красном, расквитаться с ним и вернуть дневник.

Лишь расставив приоритеты, он вспомнил о Кевине Нолане. Тот мог быть где угодно, и — что хуже всего — Марк не чувствовал его. Амулеты индейской женщины исправно делали свою работу. Раньше, когда Уотер был рядом, он одобрял эту защиту, но теперь она обернулась против него.

Марк вскочил на ноги и вспышкой молнии преодолел расстояние до опушки леса. Он сосредоточился, пытаясь нащупать нить присутствия Кевина, но пустота была абсолютной. Поиски вслепую могли затянуться на годы. За это время Нолан и Солнечный Луч уже достигли бы Океана Надежд. Мысль о том, что женщина наверняка радуется его исчезновению, вызвала у Марка приступ ярости.

Гнев начал менять его облик: края одежды поплыли, превращаясь в синий балахон. Но, прежде чем трансформация завершилась, он заставил себя взять волю в кулак. Однако остаться незамеченным не удалось. Справа хрустнула ветка. Марк резко обернулся и увидел выходящих из леса мужчину и мальчишку лет двенадцати с походными рюкзаками. Отец и сын, решившие укрепить узы на лоне природы, совершили роковую ошибку — они наткнулись на колдуна в скверном расположении духа, застигнув его в момент частичного превращения.

У мужчины за плечом было ружье. Судя по отсутствию дичи, он взял его для защиты от хищников, но никак не рассчитывал встретить в лесу нечто подобное Тёмному. Охотник мгновенно взял Марка на прицел, хотя тот не проявил явной агрессии. Впрочем, одного вида получеловека-полустихии было достаточно, чтобы палец на спусковом крючке дрогнул.

— И вам доброго дня, — процедил сквозь зубы Водолей и сделал шаг навстречу.

— Стой на месте! — дрожащим голосом выкрикнул мужчина, взводя курок. — Еще шаг, и я выстрелю!

Марк остановился. Разумеется, не из страха перед свинцовой пулей, а из чистого любопытства. Он медленно поднял руки, и между его пальцами тут же заплескались тонкие электрические разряды. Мальчишка, увидев это, был готов разрыдаться. Его отец еще сохранял остатки мужества, хотя дуло ружья в его руках задрожало заметнее.

— Сынок, поспеши-ка домой, — не сводя глаз с колдуна, скомандовал мужчина.

— А ты, папа? — слезы уже катились по щекам ребенка. — Я тебя одного не брошу.

— Не бойся, со мной всё будет хорошо. Просто иди. Верь мне.

Марк перевел взгляд на ребенка.

— Ты ведь понимаешь, что он лжет? Если ты сейчас уйдешь, то больше никогда его не увидишь.

— Не слушай его! — выкрикнул мужчина, но мальчик уже зашелся в рыданиях и вцепился в отца, уткнувшись лицом ему в бок.

— Нет, папа! Нет! Я не хочу, чтобы ты умирал!

Мужчина в отчаянии посмотрел на Уотера:

— Чего тебе от нас нужно?!

— Это ты наставил на меня ружье, я же тебе и слова грубого не сказал, — парировал Марк.

— Тогда дай нам уйти!

— Ах, этот Старый Мир с его фобиями, — вздохнул колдун. — Даже в Молодом Мире, в губернии Андор, к носителям магии относятся с большим почтением.

— Вы — нелюди! Вы вырезали половину человечества во Второй Мировой!

— Да-да, припоминаю, — кивнул Марк. — Но с тех пор минуло несколько десятков лет. Люди победили в той войне — уж не знаю, какой ценой, но это факт. Одаренные оказались среди проигравших, так что это им стоит бояться вас, а не наоборот.

— Ты говоришь так, будто сам не из этих колдовских вырожденков!

— Нет, я не из их рядов, — признался Уотер. — Случись моим «братьям» или мне самому участвовать в той войне, от вашего Старого Мира осталась бы одна выжженная земля.

Отец мальчика сглотнул, не опуская оружия.

— Так чего ты хочешь от нас?

— Напоминаю: ты держишь меня на мушке, а я развлекаю тебя беседой. Не наоборот.

— Тогда давай разойдемся миром и забудем друг о друге, — предложил мужчина, начиная медленно опускать ствол.

— Встреть я вас десятью минутами раньше, я бы не был так благодушен. Но мой гнев поутих, так что — проваливайте, — Марк опустил руки, хотя искры молний всё еще вспыхивали на кончиках его пальцев. — Идите.

— Благодарю вас, касс, — с нескрываемым облегчением выдохнул мужчина. Обняв сына за плечи, он почти побежал прочь. — Пойдем, Джек. Мама заждалась.

Марк Уотер еще долго стоял неподвижно, глядя им вслед. Внезапно по всему его телу разлилось странное оцепенение. Он с трудом поднял руку к лицу, заставляя пальцы сжиматься и разжиматься. С каждым движением конечности становились послушнее, а когда по коже вновь побежали всполохи магии, ступор окончательно прошел.

Нечто подобное он уже испытывал — лет пятьдесят назад. Марк помнил: тогда, прежде чем его охватил паралич, кто-то произнес имя. Имя, которое начисто стерлось из его памяти. Как и сейчас.

— Что, если это мое настоящее имя? — негромко спросил он пустоту.

Если это было правдой, Марк не желал его вспоминать. Он видел, как истинные имена превращают Темных в горстку пепла, и не хотел для себя подобной участи. Смерть не входила

в его планы — по крайней мере, пока он не доберется до Мира Вечности. Там он потребует у Океана Надежд всё: свое лицо, утраченные чувства, память и то самое имя. Но сейчас он оставался бессмертным колдуном, которому во что бы то ни стало нужно было воссоединиться с Кевином Ноланом.

Он не знал, где искать Пришельца и женщину сиу, но решил не медлить. У него были и другие долги. Путь вел обратно в Молодой Мир — Марк чувствовал, что именно там обосновался Пожиратель. Колдун в красном не стеснялся использовать силу на полную мощь, стремительно развивая свой дар. Идти на прямой конфликт сейчас было бы безумием — грубой силой его вряд ли удастся сломить. Нужен был иной путь: узнать его настоящее имя.

Марк понимал: «Джеймса Фостера» никогда не существовало. Под этой личиной скрывался кто-то другой. И ответ на вопрос, кем на самом деле был глава охраны губернатора Андора, ждал его там, где всё началось.

Глава 3: Красный губернатор

1.

Спустя три месяца после гибели губернатора Андора, Милтона Сан Бир Вил Грея из ордена Лордов, Совет Семи Губернаторов в урезанном формате назначил его преемником капитана Уолтера Сет Тур Малвилла. Для самого капитана это решение не стало громом среди ясного неба: история объединения Эрис знала подобные примеры. Если правитель умирал, не оставив наследника, трон занимал один из четырех капитанов гвардии. Избирали его после недельных совещаний, тщательно взвешивая послужной список, близость к покойному монарху, а также репутацию среди солдат и простых горожан.

Однако путь к власти преграждал суровый обряд. Чтобы исключить вероятность того, что алчный офицер ускорил кончину господина ради короны, Главный Закон гласил: прежде чем взойти на престол, кандидат должен пройти через три дня пыток. В застенках ему предстояло либо признаться в убийстве, либо делом доказать свое право на власть. Закон был далек от совершенства: человек с высоким болевым порогом мог занять трон, даже если его руки были по локоть в крови, а невиновный — оговорить себя, лишь бы прекратить мучения, и закончить жизнь на плахе. Но за сотни лет никто так и не придумал более верного способа выявить изменника.

Капитан Малвилл был готов. Он верил в свою стойкость так же твердо, как знал, что не повинен в смерти Милтона Грея. Уолтер никогда не грезил о власти, не видел во сне корону и не планировал создание собственного ордена из родственников. Он просто служил. Но теперь, когда час пробил, его острый и рассудительный ум уже рисовал картины будущего. Он размышлял, какие законы стоит ужесточить, а какие — искоренить навсегда. Малвилл не питал иллюзий: он хотел быть справедливым правителем, но знал, что не станет любимцем народа. Его путь неизбежно будет сопровождаться казнями тех, кто нажился на обмане и кражах. Он не исключал, что закончит свои дни не в теплой постели, а от яда или кинжала, но это его не пугало. Он лишь надеялся, что Океан Надежд отведет ему больше пятидесяти четырех лет — срока, отмеренного его предшественнику.

Возвращение Малвилла с Совета в Андор сопровождалось ликованием толпы. Простолюдины и средний класс приветствовали его так, словно он уже с честью выдержал испытание. Знать же держалась сдержанно: лорды перешептывались, демонстративно отворачиваясь при его приближении. Капитан не удостоил их вниманием.

В сопровождении пяти верных гвардейцев он проскакал к воротам замка, который вскоре должен был стать его домом. Стены дворца, инкрустированные драгоценными камнями, слепили глаза, переливаясь всеми цветами радуги. Но Уолтер знал: скоро этот блеск померкнет — в его правление роскошь уступит место строгости. Тяжелые ворота со скрежетом распахнулись, и выкованные на них львы словно попятились, признавая силу нового хозяина.

Он проехал по мраморным плитам мимо розовых кустов и пруда, в котором лениво плавали карпы. Под фруктовыми деревьями ковром лежали перезрелые, опавшие плоды — сад явно нуждался в твердой руке. Путь закончился на широкой площадке у шатра. По традиции, здесь капитан должен был провести последнюю ночь перед пытками.

Шатер по периметру охраняли гвардейцы с тяжелыми секирами. Уолтер лично отобрал их из своих людей и доверял каждому как самому себе — желающих убить будущего губернатора до начала испытаний хватало. Слуги откинули полог, и спешившийся капитан вошел внутрь. В полумраке, разгоняемом тремя факелами, его ждали лохань с теплой водой для омовения и скромный ужин: баранина, козий сыр и фрукты. На столе не было ни вина, ни эля —

только кувшин с родниковой водой. Капитан Малвилл не жаловал хмель, предпочитая сохранять рассудок ясным даже накануне самого страшного испытания в своей жизни.

После ужина Уолтер снял пыльный черный камзол и сорочку, аккуратно повесив их на стойку, и погрузился в лохань с водой. Тело ныло от бесконечной дороги, а разум требовал забвения. Тепло лишь ненадолго притупило мышечную боль — Малвилл понимал, что только глубокий сон до рассвета даст ему ту искру стойкости, которая потребуется в застенках. Он не отдавал приказа не беспокоить его, считая тишину в лагере делом решенным, но тихий, нерешительный кашель за пологом заставил его отложить отдых.

— В чем дело, Роно?

— Капитан, ваша супруга. Она настаивает на встрече.

— Впусти её, — голос Уолтера мгновенно смягчился.

Валери была его тихой гаванью на протяжении десяти лет. Его чувства к ней за это время не остыли, а лишь переродились, пройдя путь от юношеского пожара до зрелой, монолитной привязанности, скрепленной уважением и рождением двоих сыновей. Все грани его любви теперь сплывались в единое целое, которое невозможно было разрушить.

Валери в свои тридцать пять лет сохранила ту же притягательную свежесть, что пленила его при первой встрече. Темно-синее платье, расшитое серебром, выгодно подчеркивало её стройный силуэт. Длинная коса, доходящая до самой поясницы, мерно покачивалась в такт шагам. Когда она подбежала к нему, её большие глаза были полны слез. Она прижалась к его груди, и плечи её задрожали от рыданий.

— Тише, родная, успокойся, — прошептал он, зарываясь лицом в её волосы и нежно поглаживая по голове.

— О, Уолтер... Я места себе не нахожу от страха перед тем, что начнется завтра.

— Всё будет хорошо. Ты ведь знаешь, я выстою. Разве ты во мне сомневаешься?

— Никогда. Но ты ведь должен был уже привыкнуть к моей... излишней тревожности.

Малвилл негромко рассмеялся. Он коснулся её губ поцелуем — первым за долгие три месяца разлуки, — и Валери затрепетала в его руках точно так же, как в те далекие дни их первых свиданий.

— Как Ори и Стэнли? Не доставляли хлопот?

— Нет. Они помнят свое честное слово, данное отцу: беречь мать и прилежно учиться фехтованию и верховой езде. Могу тебя заверить — ни один из них не оступился.

Ласка быстро переросла в страсть. Валери легким движением сбросила платье, оставшись в полумраке шатра совершенно нагой. Уолтер провел ладонью по её телу, запечатлевая в памяти каждый изгиб — от груди до округлых бедер.

— Ты не представляешь, как я тосковала по твоим прикосновениям, — выдохнула она.

— А я каждую ночь засыпал с мыслью о том, что услышу эти слова.

Они оказались на постели, которая то затихала, то вновь начинала поскрипывать под их тяжестью до глубокой ночи.

На рассвете, пока Валери еще видела сны, Малвилл оделся, накинул камзол и вышел наружу. Гвардейцы мгновенно вытянулись в струнку.

— Доброе утро, капитан!

— Конвой еще не прибыл? — спросил он, оглядывая горизонт.

— Никак нет. Ждем их не раньше, чем через час.

— Хорошо. Роно, Клэй — седлайте коней, едете со мной к башне. Остальные — остаются у шатра. Охраняйте сон моей жены.

Они покинули сад дворца и направились к тюремной башне, где располагались пыточные казематы. Малвилл никогда прежде не заглядывал в эти мрачные комнаты и не интересовался методами дознания, принятыми в Андоре — сейчас это неведение помогало ему сохранять самообладание. Редкие прохожие на улицах при виде всадников падали ниц, выкрикивая

здравицы в честь будущего губернатора. Капитану это не льстило: он не только не считал себя правителем до окончания испытания, но и в глубине души презирал подчеркнутое сословное неравенство.

Когда до башни оставалось меньше половины пути, Уолтер заметил мелькнувшую тень на крыше одного из домов. Он резко осадил коня и поднял руку с зажатым кулаком. Гвардейцы тут же напряглись, перехватив секиры поудобнее.

— Что там, капитан? — Клэй принялся внимательно осматривать черепичные скаты, подражая командиру.

Если преследователь и был там, он явно обладал талантом к маскировке и завидным терпением. Спустя пять минут напряженной тишины Малвилл начал сомневаться в увиденном.

— Продолжаем путь, — скомандовал он, пришпоривая коня. — Но будьте предельно осторожны. Глаза — на затылке.

Они успели проехать не больше пятидесяти шагов, когда один из горожан, только что подобострастно кланявшийся, вдруг закричал, указывая на крышу соседнего дома. Малвилл вскинул голову, но было поздно: черная тень обрушилась сверху, сбивая его из седла на мостовую. Убийца в капюшоне и металлической маске действовал молниеносно. У кончика его кинжала клубился ядовитый зеленый пар, но капитан в последний миг успел откатиться — лезвие со скрежетом вонзилось в брусчатку в волоске от его уха.

Роно и Клэй бросились на выручку, но ассасин, не глядя, метнул в них два стальных круга с бритвенно-острыми краями. Сюрикены нашли свои цели с пугающей точностью: один пробил переносицу Роно, глубоко уйдя в глазные яблоки, второй перерезал горло Клэю. Клэй судорожно прижал ладони к ране, но кровь густыми фонтанами забила сквозь пальцы; он осел на колени и ткнулся лицом в камни. Роно рухнул навзничь, содрогаясь в предсмертной агонии.

Расправившись с охраной, убийца вновь бросился на Малвилла. Но теперь капитан был на ногах и знал, с кем ведет бой. Он перехватил запястье врага, отводя отравленное острие, и резким толчком сбросил противника с себя. Тот ушел кувырком назад и мгновенно выпрямился, словно пружина. Ассасин атаковал снова, пытаясь хотя бы задеть кожу Уолтера, но капитан, уже обнаживший меч, обладал реакцией не хуже.

Наступил черед Малвилла. Он перешел в наступление, и теперь уже убийце пришлось извиваться, делая сальто и выворачивая тело так, будто в нем не было костей. И всё же ассасин совершил ошибку: сталь Малвилла распорола ему спину. Враг отскочил, выигрывая секунду на передышку, но Уолтер не дал ему времени. Он ринулся в новую атаку. Похоже, киллер ждал именно этого — он швырнул в лицо капитану горсть едкого порошка.

Жгучая боль мгновенно ослепила Малвилла. Он закричал, инстинктивно прикрывая глаза предплечьем и теряя ориентацию. Ассасин сблизился с жертвой, занося кинжал для смертельного удара в затылок, но в этот миг капитан резко присел и мощным выпадом всадил меч в живот нападавшего по самую рукоять. С яростным криком Уолтер рванулся вперед, буквально пригвоздив врага к стене ближайшего дома.

Человек в черном захрипел. Он сучил ногами и руками, как перевернутый жук, пытаясь достать что-то из-за пазухи, но меч надежно зафиксировал его тело, а заодно и края одежды. Малвилл перехватил его руку, сорвал капюшон и маску, обнажая впалые скулы ассасина.

— Кто тебя послал?! — прорычал капитан сквозь слезы и нестерпимую резь в глазах. Убийца лишь ухмыльнулся, демонстрируя полный крови рот, в котором виднелся обрубок языка. — Да, собеседник из тебя никакой, — сухо констатировал Уолтер и одним движением перерезал ему горло.

Орден ассасинов из губернии Клироусс. Малвилл узнал их почерк. Этим воинам отрезали языки еще в детстве, чтобы они никогда не выдали заказчика. Впрочем, капитану не нужно было имен — он и так знал, что врагов у него в избытке. Те, кто привык покупать власть и чужие жизни, понимали: с приходом Малвилла их время закончится. Порядок не наводится

за день, и Уолтер осознавал, что отныне каждый его вдох будет под прицелом. Но он был готов сражаться до конца — ради семьи и ради будущего Андора.

На шум схватки и крики жителей примчались три десятка солдат и конвоиры, которые как раз направлялись к дворцу. Они окружили капитана плотным кольцом, выставив щиты.

— Вы ранены? — обеспокоенно спросил старший конвоир.

— Нет, — Малвилл вытер глаза рукавом камзола, размазывая остатки порошка. — Но моим людям нужна...

Он осекся. Глядя на неподвижные тела Роно и Клэя, он понял, что помощь им больше не потребуется. Капитан коротко приказал подошедшему солдату заняться телами и повернулся к конвоиру.

— Идемте.

— Капитан, вы уверены? — замялся тот. — После такого покушения Закон позволяет вам отложить испытание на сутки, чтобы прийти в себя...

— Я готов, — отрезал Малвилл, тяжело сядя в седло.

Конвоир, нерешительно поглядев на капитана, всё же дал знак своим людям. Отряд окружил Малвилла, и они двинулись к башне, до которой оставалось всего несколько сотен шагов. Путь до врат темницы прошел в гнетущей тишине. Как только они достигли цели, Малвилл спешился; его коня увели в стойло, где животному предстояло провести ближайшие три дня под присмотром. Главный конвоир трижды ударил в массивную дубовую дверь, и та со скрипом отворилась, едва прозвучал верный пароль.

Капитан вошел первым, не дожидаясь приглашения. Надзиратели едва успели расступиться, запоздало скидывая руки в приветствии. Конвоиры остались снаружи, и теперь Малвилла сопровождала лишь внутренняя стража темницы. Его повели вниз по спиралевидной лестнице. Чем глубже они спускались, тем гуще становился запах сырости, плесени и застарелого страха. Воздух сделался тяжелым, почти осязаемым. Под ногами с недовольным писком сновали жирные крысы; одна из них, оскалив желтые зубы, попыталась вцепиться в штанину капитана, но тот резким, скупым движением ноги отшвырнул тварь во тьму.

Свет факелов выхватывал из сумрака стены из серого камня, поросшие мхом и крошечными черными грибами. На одном из пролетов Малвилл заметил на стене бурый отпечаток ладони — кровавый след уходил полосой вниз, будто кого-то, отчаянно цеплявшегося за камни, силой уволокли в катакомбы.

Внизу лестница переходила в широкий коридор, по обе стороны которого располагалось не менее двух десятков пыточных камер. Из железных решеток доносились безумные, надрывные крики. Главный надзиратель указал на ближайшую дверь, но Малвилл жестом велел следовать дальше. Он хотел видеть всё.

Перед первой камерой он замедлил шаг. Там на дыбе растягивали узника: палач медленно вращал валики, и конечности несчастного вытягивались до предела. Лицо страдальца побелело, зубы сжались с такой силой, что крошились, раздирая десны в кровь. Сустав на левой руке уже выскочил с сухим треском.

Во второй камере палач с методичным спокойствием точил огромный нож над массивным стулом с колодками. В третьей стояло кресло, утыканное отверстиями, из которых по сигналу должны были выдвинуться острые шипы. Малвилл холодно заметил надзирателю, что ожидает безупречной чистоты инструментов — заражение крови не входило в его планы, даже если он выдержит испытание. Тот поспешил заверить, что сталь будет кристально чистой.

Четвертая камера скрывала тиски с дощечками, предназначенные для дробления костей и всаживания спиц. В пятой узника топили заживо: на голову ему была надета стальная маска с воронкой, в которую палач неспешно заливал воду. Живот несчастного раздувался на глазах. Малвилл прошел мимо, не меняясь в лице.

В шестой камере пахло паленой плотью — человека пытали огнем. Волосы на его голове и груди давно обуглились, лицо превратилось в сплошной ожог. Один глаз вытек, а второй с диким ужасом следил за факелом в руке палача. Крик этого человека заглушал все остальные звуки подземелья.

— В чем его вина? — не оборачиваясь, спросил Малвилл.

— Убийца, капитан, — заминаясь, ответил надзиратель. — Лишил жизни знатного господина ради кошелька с монетами.

В голосе стража сквозила явная ложь.

— Я приказываю: на сегодня и на все три дня моего пребывания здесь любые пытки над заключенными должны быть прекращены.

Надзиратель онемел. Малвилл видел, как в его глазах вспыхнуло желание возразить — напомнить, что капитан еще не надел губернаторскую печать. Но, встретившись с ледяным взглядом Уолтера, надзиратель лишь покорно склонил голову.

— Как пожелаете, капитан.

Когда пытаемых освободили и стоны в коридоре сменились тяжелым молчанием, Малвилл вошел в первую камеру. Он присел на край дыбы и начал неторопливо стягивать с себя верхнюю одежду, аккуратно складывая её в стороне.

— Что ж, — произнес он спокойным, ровным голосом, в котором не было ни тени страха. — Полагаю, мы можем приступить к делу.

Он просыпался в бреду лишь для того, чтобы спустя мгновение вновь провалиться в беспамятство. Тело били судороги: его обдавало то ледяным холодом, то иссушающим жаром. В редкие минуты просветления Уолтеру казалось, что пытка продолжается — он воочию видел, как стальные иглы вгрызаются в плоть, прошивают мышцы и скрежещут по костям, хотя сам он уже лежал на мягкой постели. Спина ныла так неистово, что любая попытка сменить позу превращалась в новую экзекуцию. Тело больше не принадлежало ему; оно словно затаило смертельную обиду за предательство. «Как ты мог?!» — казалось, кричал каждый нерв. — «За что ты обрек меня на эти истязания?»

В вязкой тишине покоев вдруг раздавался жуткий, режущий слух звон. Малвилл не сразу понимал, что это звучит его собственный крик — эхо боли, пришедшее из прошлого или рожденное в настоящем. В такие моменты над ним склонялась тень, и ласковый голос Валери нашептывал слова утешения. Присутствие жены действовало на него целебнее любых болеутоляющих отваров. Ему удавалось забыться сном без агонии только тогда, когда она, поглаживая его по волосам, напевала колыбельную — ту самую, что пела их сыновьям, и которую он сам слышал от матери в далеком детстве.

Окончательно капитан пришел в себя в один из вечеров, когда в комнате не было никого. Сначала нахлынуло обманчивое спокойствие, но первая же попытка приподняться отозвалась сокрушительной атакой боли. Уолтеру пришлось до крови прикусить губу, чтобы не осквернить тишину криком. Вырвался лишь протяжный, натужный стон.

Когда пелена перед глазами чуть рассеялась, он попытался восстановить в памяти эти три дня. Разум отчаянно сопротивлялся, милосердно скрывая детали, и Малвилл помнил лишь начало и разрозненные обрывки кошмара. Дыба. Натягивающиеся канаты, хруст суставов и крик, переходящий в хрип, когда валики делали очередной оборот. Он выстоял. Затем были тиски. Кости трескали, готовые рассыпаться в пыль под неумолимым давлением досок. Но хуже всего были раскаленные колышки, вонзавшиеся в запястья. Сейчас его руки были туго забинтованы, и сквозь белоснежную ткань проступали алые пятна в местах ран.

Он помнил грады ударов: его били в лицо, в грудь, по ребрам, пытаясь выбить признание. Малвилл молчал. Точнее, он отчаянно надеялся, что молчал. Большая часть времени в застенках превратилась в черную дыру.

«Я во всем признаюсь, только прекратите это! Отпустите меня!» — внезапно всплывшая фраза заставила его вздрогнуть, спровоцировав новую волну судорог.

Неужели он сломался? Неужели сам подписал себе смертный приговор? Верить в крушение собственной воли не хотелось, но сомнение ядом просочилось в мысли. Что, если под занавес третьего дня он все же оговорил себя, лишь бы ад закончился?

— Нет, — прошептал он, и даже это слово отозвалось болью во всем теле.

Это должно быть ложное воспоминание. Наверняка он кричал это лишь внутри себя, когда истязания становились запредельными. *«Если бы ты признался, ты бы не лежал сейчас в чистой постели, умытый и окруженный заботой»*, — убеждал он себя. — *«Убийц губернатора не выхаживают с таким тщанием»*.

Но тут же внутренний голос ехидно напомнил: *«Даже убийц омывают и переодевают перед тем, как возвести на эшафот»*.

Мучительный внутренний спор оборвался, когда дверь опочивальни открылась. Вошла Валери в сопровождении лекаря в синем халате и двоих вооруженных гвардейцев. Увидев, что муж в сознании, женщина бросилась к постели. Со слезами на глазах она принялась покрывать поцелуями его лоб и щеки, отстранившись лишь тогда, когда Уолтер тихо и болезненно застонал. В его нынешнем состоянии даже самая нежная ласка была подобна удару бича.

— Дорогой, как же я рада, что ты очнулся! — выдохнула она, не в силах сдержать ликования.

— Где я? — его голос прозвучал глухо и невнятно.

— Когда я впервые увидела твое лицо, почерневшее и распухшее от побоев, я не могла унять слез, — продолжала Валери, словно не слыша вопроса. Или же она действительно его не разобрала: Уолтер чувствовал языком, что во рту почти не осталось целых зубов.

Человек в синем халате шагнул к постели. В его движениях сквозила странная, текучая плавность, не свойственная простым смертным. Только сейчас капитан заметил в его руках кожаный мешок, туго затянутый ремешком.

— Я боялась, что ты не придешь в себя. А если и очнешься — никогда не станешь прежним. Поэтому я послала за лекарем, — Валери обернулась к мужчине, и тот почтительно склонил голову. — Он займется твоим восстановлением.

— Он колдун, — едва слышно прошептал Малвилл.

— Что ты сказал, родной? — она склонилась к самым его губам.

— Он... колдун.

— Да, Уолтер. Он колдун. Но только магия способна поднять тебя на ноги за неделю и исцелить такие раны. В Андоре не осталось своих мастеров, нам пришлось отправить гонца в соседние земли. Никто не соглашался ехать к нам ни за какое золото, и всё же судьба свела нас с Сэллером. Он согласился помочь.

Колдун развязал мешок и извлек пузырек с густой красной жидкостью.

— Вы должны выпить это, — произнес он, протягивая зелье.

— Что это? — насторожилась Валери.

— Глубокий сон. Он позволит телу расслабиться, а ранам — затянуться быстрее.

Валери взяла пузырек и, вытащив пробку, поднесла его к губам мужа. Малвилл слабо качнул головой, удерживая её руку.

— Сначала скажи мне... — он дождался, когда жена прильнет ухом к его лицу. — Скажи... как я держался? Я прошел испытание?

Валери посмотрела ему в глаза — пристально, с бесконечной любовью и болью. Слезы жалости вновь потекли по её щекам. Внезапно она коротко рассмеялась, утирая их ладонью, и твердо кивнула:

— Да, муж мой. Ты — новый губернатор Андора.

2.

Лекарства Сэллера творили чудеса. В течение двух дней тело Уолтера наливалось силой, раны затягивались, оставляя лишь тонкие белесые шрамы — вечную память о застенках. Зелье даже вернуло ему зубы: они проросли из десен ровным, белоснежным строем.

В день инаугурации дворец преобразился. Малвилла облачили в тяжелый дорогой плащ; на голову водрузили черный парик — на этом цвете он настоял лично, отвергнув традиционную седину.

Церемония в главном зале была торжественной и многочисленной. Здесь была его семья, его отец — старый капитан гвардии, который, несмотря на недуги, светился гордостью за сына. Присутствовали придворные, надменные советники Грея, семьи высшего света и делегаты Совета Семи Губернаторов. Десятки солдат застыли вдоль стен, охраняя порядок.

Чувствуя себя разодетым павлином, Уолтер под гром аплодисментов проследовал к трону. Стоило ему сесть, как в зале воцарилась гробовая тишина. Трон оказался жестким и неудобным — совсем не таким, каким казался со стороны. К нему поднесли массивную, ветхую Книгу Законов. Положив на нее правую руку, Малвилл заговорил. Его голос, окрепший и властный, разносился под сводами зала, произнося слова, которые многие губернаторы до него считали лишь пустой формальностью:

— Я, Уолтер Сет Тур Бел Малвилл, сын Геона Сет Тур Малвилла из губернии Андор, объединения Эрис, торжественно клянусь служить верой и правдой этой земле. Защищать её от врагов внутренних и внешних, вести к процветанию. Клянусь быть справедливым к бедам каждого жителя — от знатного лорда до простолюдина. Клянусь не искать личной выгоды, но ставить благо народа превыше всего. Если же я отступлю от клятвы, да будет тому причиной воля самого Океана Надежд, помазанником которого я являюсь в этом мире.

Именно последняя фраза клятвы служила лазейкой для многих правителей: прикрываясь «волей Океана Надежд», они творили бесчинства, прямо нарушавшие Книгу Законов. Чтобы вычеркнуть или изменить это удобное оправдание, требовалось единогласное одобрение всех губернаторов Эриса — вещь в политических реалиях объединения практически невозможная.

Уолтер Малвилл медленно поднял левую руку и указал скипетром на одного из присутствующих:

— Арчибальд Вир Дан Сол Грин из ордена Вистов, правитель губернии Песверс, пред лицом всех господ в этом зале, ответь — кто я?

— Ты — Уолтер Сет Тур Бел Малвилл, правитель губернии Андор, глава нового ордена, что будет властвовать над этими землями, доколе Океану Надежд угодно, — прозвучал ритуальный ответ.

Малвилл повторил вопрос еще пять раз, обращаясь к каждому губернатору по отдельности. Это не было пустой формальностью: каждый из Совета Семи должен был публично подтвердить признание его прав на престол. Если бы хоть один из них заявил протест и подкрепил его доказательствами, заручившись поддержкой еще двоих, инаугурация была бы сорвана. Но в этот раз заговорщиков не нашлось. Уолтер Малвилл стал законным губернатором Андора, пусть и к тайному неудовольствию многих в зале.

— А теперь, — провозгласил церемониймейстер, чей голос эхом отозвался от сводов, — прошу distinguished гостей пройти в смежный зал. Там накрыты столы в честь нового правителя и его семьи.

Малвилл поднялся с трона и передал регалии слугам. К нему тут же подошли близкие. Геон Малвилл, старый капитан, не сдержал скупой мужской слезы, обнимая сына.

— Я горжусь тобой, Уолтер. Ты возвел наш род на высоту, о которой мы и не смели мечтать.

Геон быстро вытер щеки — капитаны старой закалки не выставляли чувства напоказ. Он отступил, давая дорогу Валери. Сделав глубокий реверанс, она коснулась губами его губ.

— Мой сир губернатор.

— Моя сэйя, — ответил он и перевел взгляд на сияющих от восторга Ори и Стэнли. Малвилл положил ладони на головы сыновей. — Мои маленькие сири. Разведка донесла мне, что в мое отсутствие вы доблестно защищали дом. Говорят, таких храбрецов Эрис еще не видывал.

— Да, отец! — воскликнул Ори. — Я отразил пять атак и сразил сотню врагов!

— А я две сотни! — подхватил Стэнли, размахивая воображаемым мечом.

— В нашем доме растут настоящие львы, — улыбнулся Малвилл.

После протокольных поздравлений от коллег-губернаторов, один из которых с плохо скрываемым любопытством выпрашивал о подробностях пыток, настало время самого сложного — беседы с главами богатейших семей Андора. На пути Малвилла к полному контролю над губернией стояли Траллы, Крестаны и Херринги.

Джей Бон Вис Тралл был невысоким толстяком в вызывающе ярком шелковом халате. Его волосы были столь неестественно черны для его возраста, что это казалось насмешкой. Владелец бескрайних угодий и угольных шахт, Тралл начинал свой путь как торговец живым товаром — он поставлял девушек из низов в бордели по всему объединению. Сейчас его бизнес был более благородным, но Малвилл не сомневался: под маской респектабельности Тралл по-прежнему заправляет грязными делами.

Илдор Кан Гес Крестан был полной противоположностью Траллу. Семидесятилетний старик, худощавый и высокий, он всегда носил строгие темные костюмы и никогда не снимал головного убора. Сегодня это была причудливая шляпа с загнутыми полями и павлиньими перьями. Хозяин трех крупнейших банков, он слыл мастером подлога и компромата. Из пяти братьев лишь ему удалось приумножить отцовское золото — в основном за счет того, что он безжалостно пускал по миру должников, как только выжимал из них всё до последней монеты.

Рону Иль Хор Херрингу было за пятьдесят. Его облик запоминался сразу: абсолютно бритая голова контрастировала с аккуратными усами и бородой, где проседь шла идеально ровной полоской. В одежде он придерживался дорогой лаконичности, неизменно завершая образ лакированными мокасинами. Его богатство было выстроено на камне и чертежах — строительная компания Херринга работала исключительно для элиты. Его люди возвели последние две башни губернаторского замка, от фундамента до изысканного декора.

Если о бизнесе Рона слухов не ходило, то его личная жизнь была окутана мрачной пеленой. Поговаривали о его пагубном пристрастии к юным девам, жертвами которого, по слухам, стали даже его собственные дочери. Обе они, едва выйдя замуж, поспешно покинули Андор и ни разу не навестили отца. Херринг давно овдовел и, судя по всему, наслаждался своим положением.

Эта троица — Тралл, Крестан и Херринг — подошла к Малвиллу одновременно, единым фронтом. Они принялись изливать на него потоки паточной лести, в которой фальшь сквозила в каждом жесте. К облегчению Уолтера, никто из них не посмел протянуть руку для пожатия.

— Да благословит Океан Надежд сей день, мой губернатор, — елеинным голосом начал Тралл, склоняясь в поклоне. — Могли ли мы мечтать о более достойном преемнике нашему приснопамятному Милтону Грею?

— Истинно так, — подхватил Крестан, потирая сухие ладони. — Сир Уолтер — идеальный выбор. Мы не сомневаемся, что ваша мудрость позволит высшим сословиям и далее развивать свои дела, а казна будет полниться благодаря тем... разумным налогам, что установил ваш предшественник.

— Мы слышали о прискорбном покушении, — добавил Херринг, прищулив глаза. — Счастье, что убийце не удалось завершить свой черный замысел. К сожалению, среди нас еще есть безумцы, не понимающие великого блага вашего избрания.

Малвилл молчал. Он выбрал выжидательную позицию, позволяя тишине давить на собеседников. Тралл и Крестан нервно переглянулись, и Херринг, почувствовав неловкость, поспешил заполнить паузу:

— Мы приготовили для вас дары в знак нашего глубочайшего почтения. Если позволите, слуги внесут их сию же минуту...

Он уже занес ладони для хлопка, но Малвилл остановил его коротким жестом:

— Подарки подождут.

Пауза затянулась еще на несколько секунд, заставляя троицу ощутить настоящий холод в животе. Наконец, Малвилл продолжил:

— Благодарю вас за присутствие. А теперь — прошу к столу. Негоже заставлять других гостей ждать начала пира.

Лица магнатов тут же просияли. Они восприняли это как добрый знак и поспешили к дверям банкетного зала, услужливо распахнутым стражей.

— Не нравятся мне эти люди, — едва слышно прошептала Валери, когда они остались одни.

— Не тебе одной, родная.

— Думаешь, это их рук дело? Убийца? — Она на секунду замолчала. — Думаешь, они попробуют снова?

Малвилл не ответил. Ори и Стэнли с любопытством прислушивались к разговору родителей, пока Геон Малвилл не потрепал внуков по волосам, увлекая всех к обеденному столу.

Праздничный обед длился больше часа. Слуги едва успевали заменять пустые блюда и наполнять кувшины. За столами царило шумное веселье: знать хохотала, грубила прислуге и поглощала яства с неумным аппетитом. Малвилл на их фоне казался извоянием. Он ел мало, пил лишь воду и внимательно наблюдал за гостями из-под полуприкрытых век.

Тралл, Крестан и Херринг вели себя непринужденно, часто прикладываясь к кубкам и перешучиваясь. Малвилл не спешил вешать на них вину за покушение — прямых улик не было. Но он прекрасно понимал: как только он обнародует свои реформы, именно эти три семьи потеряют больше всех. Повышение налогов на богатство было лишь первым шагом. В голове нового губернатора уже зрел план масштабных преобразований, которые должны были вытрясти золото из тугих кошельков господ и дать шанс на жизнь тем, кто ютился в лачугах на окраинах Андора.

Малвилл постучал вилкой по кубку, и этот звон, подобно погребальному колоколу по старым порядкам, заставил зал умолкнуть. Сотни глаз — от высокомерно-прищуренных до испуганных — впились в фигуру нового правителя.

— Дорогие гости, — голос Уолтера звучал твердо и размеренно. — Прежде чем слуги подадут десерт, от которого вы, несомненно, останетесь в восторге, я, следуя традиции, оглашу свои первые три указа. В ближайшие дни последуют и другие, не менее важные, но эти три я выбрал для сегодняшнего торжества после долгих раздумий.

За столом прокатилась волна аплодисментов. Но если чиновники средней руки хлопали искренне, то Траллы, Крестаны и Херринги делали это вяло, обмениваясь тревожными взглядами. Они кожей чувствовали: слова нового губернатора станут для них кандалами.

— **Указ первый**, — провозгласил Малвилл. — Я милую всех заключенных городской темницы, чьи преступления не относятся к категории тяжких.

Зал взорвался шепотком. Мнения разделились мгновенно.

— И куда им возвращаться? — выкрикнул Руперт Кан Тес Крестан, старший сын и наследник Илдора. — Их земли давно перераспределены, дома разрушены под пашни. Они станут бродягами и ворами, и завтра же снова окажутся за решеткой! К чему этот пустой жест?

— Те, кто захватил их земли, вернут их прежним владельцам, — отрезал Малвилл, и в зале поднялся ропот, переходящий в гул. — Вернут вместе с неустойкой за разрушенные стены и платой за каждый месяц незаконного пользования чужим наделом.

Губернаторы соседних земель лишь посмеивались в кубки, забавляясь происходящим — их порядки оставались незыблемыми, а Андор был для них лишь сценой в театре. Малвилл, не дожидаясь тишины, перешел к главному.

— **Указ второй.** Отныне я уравниваю права и обязанности всех граждан Андора. Перед законом более нет сословий. За одно и то же деяние лорд и пахарь ответят по одной и той же строгости.

— Да это безумие! — Конрад Бон Лец Тралл, племянник Джея, вскочил, опрокинув стул. Этот спекулянт, сколотивший состояние на контрабанде из Фаржэ, не привык к узде. — Ты кем себя возомнил, капитан?! Ты всегда был цепным псом Грея и им останешься!

Джей Тралл попытался дернуть племянника за рукав, но было поздно. Солдаты, стоявшие в оцеплении, среагировали мгновенно. Конрада скрутили, заламывая руки за спину.

— Ты никто! Сын безродного солдафона и кабацкой девки! — его крики эхом уходили в коридоры, пока тяжелые двери не отсекали шум борьбы.

В зале повисла гнетущая, свинцовая тишина. Малвилл стоял, обводя присутствующих хмурым взглядом, в котором читалась непоколебимая воля.

— **Указ третий,** — его голос теперь казался еще громче. — Я повышаю налог на богатство. Каждый состоятельный житель губернии будет выплачивать в казну дополнительную долю, исчисляемую из стоимости всего его движимого и недвижимого имущества.

Эту новость встретили мертвым молчанием. Но в этом молчании Малвилл читал отчетливее, чем в книгах: там была ненависть, жажда расправы и холодная ярость. Валери смотрела на мужа с нескрываемым испугом. Уолтер попытался ободряюще улыбнуться ей, но она не ответила на его улыбку, лишь крепче сжала пальцы.

Губернатор сел на свое место и трижды хлопнул в ладоши. Двери распахнулись, и повара торжественно внесли огромный торт. Гости ахнули: десерт в точности повторял очертания мрачной андорской темницы.

— Приятного аппетита, господа, — произнес Малвилл, наблюдая как нож прислуги вонзается в сахарную стену цитадели. — Надеюсь, десерт вас удивил.

Изображения прошлых губернаторов из ордена Лордов должны были покинуть стены дворца только после того, как портреты нового правителя и его семьи будут завершены. Малвилл не возражал против этой традиции, но настоял: в его спальне стены должны быть очищены немедленно. Одной ночи в постели предшественника хватило, чтобы принять это решение. Открыв глаза на рассвете, Уолтер чуть не вскочил по стойке смирно — в предрассветных сумерках ему показалось, что сам Милтон Грей стоит в изножье кровати, а не глядит на него с огромного полотна на противоположной стене.

Валери горячо поддержала этот порыв. Она и сама провела ночь в тревоге, то и дело приоткрывая веки и ловя на себе величественный, холодный взгляд покойного губернатора, подсвеченный лунным светом. К сожалению, это было едва ли не единственное решение мужа за последние сутки, с которым она была согласна.

Слова Уолтера за праздничным столом причинили ей больше боли, чем тем, против кого они были направлены. На церемонии Валери вздрагивала, безмолвно умоляя его остановиться. Она знала: каждым своим указом её прямолинейный муж подписывал другой, негласный документ — приговор богатейших господ Андора. Убийство губернатора считалось тягчайшим

преступлением в Эресе, но страх перед законом мерк перед властью денег. Траллы и Крестаны могли не только купить себе алиби, но и оплатить путь к освободившемуся трону.

Малвилл, человек поступков, редко утруждал себя долгосрочным политическим анализом. Он действовал импульсивно, движимый чувством справедливости, а о последствиях задумывался позже. Эти принципы приносили ему либо искреннюю благодарность подчиненных, либо горькие плоды, чей ядовитый сок следовало испить до дна.

Вечером, когда из опочивальни вынесли последние картины, а дети, пожелав родителям спокойной ночи, ушли к себе, Валери решила на разговор. Она знала, что Уолтер будет стоять на своем до конца — еще в чине капитана он не раз спорил с Милтоном Греем, и у него всегда находилось достаточно доводов, чтобы заставить старого лорда отступить.

— Я сделал то, что должен был, — отрезал Малвилл. Голос его был лишен жесткости, но в нем звенела сталь. — Я не потерплю в Андоре того гниения, что распространилось при Милтоне и этом мерзавце Фостере.

— Я не спорю с тем, что твои помыслы чисты, муж мой, — Валери подошла к нему вплотную. — Но разве нельзя было повременить? Своими первыми тремя указами ты нажил себе больше врагов, чем их было у тебя за всю жизнь.

— Не обманывайся, жена. За тем столом у меня не было друзей. Разве что губернаторы других земель смотрели на меня с безразличием, потому что мои законы их не касаются.

— Тогда зачем было дразнить псов, которые и так искали повода тебя укусить?

— Я лишь указал им их место и дал понять: помыкать собой я не позволю, — Малвилл обернулся к ней, и его взгляд стал жестким.

— А что, если они попытаются убить тебя вновь? — голос Валери задрожал. — Что, если они доберутся до наших детей?

Уолтер мгновенно смягчился. Он забрался на постель, притянул жену к себе и прижал палец к её губам.

— Тише. Я никогда этого не позволю.

— Но если...

— Тсс... — Малвилл прервал её поцелуем, долгим и страстным. — Верь мне. С нами всё будет хорошо. Ты мне веришь?

— Я верю тебе, — прошептала она, обнимая его за шею.

Она отвечала на его ласки, но тревога не покидала её сердца. Валери знала: Траллы, Крестаны и Херринги еще не сказали своего последнего слова. Сон пришел к ней лишь под утро — тяжелый, липкий, в котором Уолтер отчаянно пытался вытащить её и сыновей из бездонной пропасти. Но в этом сне он не удержал их, и всё закончилось падением во тьму.

3.

Художник выглядел молодо. Смуглое лицо с грубыми чертами, характерное для выходцев из южных объединений, вызывало скорее оторопь, чем симпатию, однако властный взгляд черных глаз невольно внушал уважение. Его худощавое, почти мальчишеское тело казалось хрупким и безобидным, но охрана не знала доверчивости: его обыскали трижды. Не найдя ничего, кроме холста, пергамента и художественных принадлежностей, того наконец допустили к правителю.

— Как твое имя? — спросил Малвилл, изучая гостя.

— Торч, сир, — ответил тот с загадочной полуулыбкой. — Рэд Ли Торч.

— Рэдли... Говорят, ты лучший мастер в пяти ближайших объединениях.

— Раз говорят — значит, так оно и есть.

Торч вновь улыбнулся, и, прежде чем Малвилл успел решить, кажется ли ему этот человек просто чудаковатым или по-настоящему странным, художник склонил голову и попросил разрешения приступить к работе.

— Подожди, пока семья вернется с прогулки. А пока готовь инструменты.

— Как прикажете, сир.

Ожидая жену и детей, Малвилл погрузился в тревожные думы. Налоговые реформы, ропот знати, безопасность границ — проблем было больше, чем часов в сутках. Но он верил, что сможет выжечь клеймо классового неравенства в Андоре, чтобы люди перестали быть для власти скотом или дешевым товаром.

Тяжелые мысли развеялись, когда в зал вошла Валери. В элегантном белом платье она казалась помолодевшей на десятилетие. Ори и Стэнли, аккуратно причесанные, в светлых сорочках и жилетах, сияли от восторга; их сапожки, смазанные салом, зеркально блестели в лучах солнца, что просачивались сквозь огромные витражи тронного зала. Валери села подле мужа, Уолтер взял сыновей на руки и кивнул художнику.

Торч работал удивительно быстро. Он менял кисти, смешивал краски, не тратя времени на наброски углем — Малвилл подивился такой манере, но промолчал: мастеру виднее. Однако идиллия длилась недолго.

Меньше чем через полчаса в зал стремительно вошел Гарольд Стоунуотер, глава охраны. Его белый мундир был застегнут на все пуговицы, но лицо, обычно непроницаемое, выдавало крайнюю степень волнения.

— Это не может подождать? — нахмурился губернатор.

— Нет, сир. Дело не терпит отлагательств.

— Что случилось?

— Только что пришло печальное известие... — Стоунуотер запнулся, бросив быстрый взгляд на детей.

— Говори же, Гарольд!

Глава охраны сглотнул, собираясь с силами:

— Ваш отец, касс Геон Сет Тур Малвилл... он скончался этой ночью. Его нашли в опочивальне.

Холодная волна окатила спину губернатора, сменившись жаром в лице. Геон был стар, сердце его часто пошаливало, и Уолтер знал, что этот день настанет. Но всего неделю назад на инаугурации отец казался крепким, а в его глазах горела гордость.

— Кто был с ним в последние минуты?

— Боюсь, что никого, — глухо отозвался Стоунуотер.

— Как такое возможно?! — Малвилл вскочил, осторожно отстранив детей. Гнев закипал в его груди. — В доме было пятеро слуг! Я лично отобрал их. Почему они не позвали лекаря? Почему не были рядом?

Гарольд поднял на него глаза, полные горькой правды:

— Сир... их убили. Всех до одного. Зарезали в постелях, как и вашего отца.

Слова Стоунуотера отозвались в животе Малвилла такой резкой болью, будто невидимый клинок пронзил его насквозь. Валери потянулась к мужу дрожащей рукой, но он уже сорвался с места. Сбежав по ступеням трона, Уолтер почти вплотную прижался к главе охраны.

— Вы поймали тех, кто это сделал?! — прохрипел он, вцепившись в плечо офицера.

— Боюсь, что нет, сир. Тела нашли лишь спустя несколько часов...

— И что с того?! — взревел Малвилл.

Валери вздрогнула от этого крика, а дети съежились — таким разгневанным они отца еще не видели.

— И так ясно, чьих это рук дело! Гарольд, слушай мой приказ: я еду в дом отца, а когда вернусь — хочу видеть здесь Тралла, Крестана и Херринга! Каждого из них! Ты меня понял?!

— Так точно, сир! — Стоунуотер ударил кулаком в грудь.

— Малвилл, а как же моя работа?

Губернатор замер. Голос прозвучал до странности буднично. Рэд Ли Торч стоял у мольберта с испачканной кистью, глядя на губернатора с каким-то обиженным недоумением. Казалось, он вообще не слышал вестей о резне.

— Мне сейчас не до этого, Рэдли!

— Но я уже закончил, — Торч усмехнулся, и от этой тонкой, змеиной улыбки Малвиллу стало не по себе. В облике художника проступило нечто, чего Уолтер не заметил раньше: сквозь мальчишескую угловатость проглянула хищная, древняя мощь.

— Закончил? — переспросил губернатор, словно в тумане.

— Да, *капитан*. Подойди, убедись сам.

Словно под действием дурмана, Малвилл сделал несколько шагов к холсту. Плечи художника вдруг раздались в ширь, безобидная внешность таяла, сменяясь пугающей агрессией. Когда Уолтер наконец опустил взгляд на картину, крик ужаса застрял у него в горле. Плечи непроизвольно задрожали от могильного холода.

Картина была завершена. Торч и вправду был гением, но гением злым. Малвилл узнал этот зал, узнал троны. Он увидел на холсте самого себя — сломленного, сидящего на полу и закрывающего лицо руками. А перед ним во весь рост стоял Джеймс Фостер, чьи воздетые к потолку руки были объаты ярим пламенем. Но самым страшным было другое: нарисованная голова, катящаяся по полу, принадлежала Стоунуотеру. А три фигуры, охваченные живым огнем на заднем плане, были его женой и сыновьями.

— Что это? — прохрипел Малвилл, чувствуя, как реальность ускользает.

— Это твое будущее, Уолтер.

Лицо художника на глазах потекло, превращаясь в жуткую пародию на физиономию казненного им Фостера. Голос изменился, в нем зазвучало рычание пламени. Малвилл встретился с ним взглядом — в зрачках колдуна плясали настоящие искры.

Одним взмахом руки он опрокинул мольберт. Другим — невидимый удар отшвырнул Малвилла к подножию трона. Валери и дети закричали. Стоунуотер, верный долгу, успел лишь обнажить меч, но Пожиратель даже не обернулся. Меч главы охраны вырвался из его рук неведомой силой, свистнул в воздухе и снес голову своему же хозяину. Тяжелый череп, разбрызгивая кровь, гулко запрыгал по золотым пластинам пола.

В зал ворвалась стража, привлеченная криками, и в этот миг мир взорвался.

Пламя поглотило всё. Солдаты превратились в живые факелы, их предсмертный хрип смешался с запахом горелой плоти. Малвилл ударился спиной о ступень, в шее что-то хруст-

нуло. Воздух превратился в раскаленный свинец. Превозмогая боль, он повернулся набок — и это стало его проклятием. Он увидел Валери. Она стояла на коленях, до боли прижимая к себе Ори и Стэна. Поймав его взгляд, она беззвучно, одними губами, произнесла: «Помоги...»

Это были её последние слова. Огненная волна, подобно приливу, накрыла их с головой.

— НЕТ!!! — Малвилл вытянул руку, пытаясь схватить пустоту, но пламя скрыло его семью навсегда.

С потолка начал капать расплавленное золото, как огненные слезы, выжигая точки на его камзоле, но душевный крик Малвилла заглушал любую физическую боль. Пожиратель подошел к нему и, грубо перевернув ногой на спину, склонился над поверженным врагом. Сквозь его зубы пробивались языки огня.

— Ты рад видеть меня, капитан?

— Ты убил их! За что?! Они ни в чем не виноваты!

— Где твоя стойкость, Уолтер? Ну-ка, прекращай рыдать и поздоровайся с давним другом. — Колдун издевательски протянул к нему руки, словно желая задушить в объятиях.

— Кто ты... такой? — прошептал Малвилл, задыхаясь от дыма и рыданий. — Я не знаю тебя...

— О, ты знаешь меня, приятель. Разве мое лицо столь сильно изменилось? Разве ты забыл того, кто болтался на веревке из-за вынесенного тобой приговора?

— Ты не Фостер... Ты лишь похож на него... Но ты — не он. Кто же ты?

Существо нахмурилось. Оно провело пылающей ладонью по лицу, и черты Джеймса Фостера стерлись. Перед Малвиллом теперь стояла безликая фигура в багровом балахоне, от которой исходил жар кузнечного горна.

— Что ты такое?! — Малвилл закрыл лицо руками, спасаясь от жара и капающего с потолка пламени.

— Что я такое? — переспросило существо голосом, лишенным человеческих интонаций. — Я — новый губернатор Андора. А ты... ты лишь беспомощное ничто, у которого не осталось ничего, кроме жизни.

Глава 4: Большой Дэв

1.

Когда начало вечереть, Вирджил Стротэм — хозяин заправки — предложил гостям разделить с ним ужин, приготовленный его женой Вандой.

— Еды, конечно, не ахти, но на троих точно хватит, — заверил он Кевина и Солнечный Луч. — А на десерт угощу вас шоколадными батончиками из автомата.

— Мы очень благодарны вам, Вирджил, — кивнул Кевин. — Всегда приятно встретить на пути добрых людей. К сожалению, нам нечем расплатиться за вашу щедрость.

— Не берите в голову, — отмахнулся старик. — Я это делаю от сердца, а не ради наживы.

Он разложил провизию на импровизированном столе, сооруженном из трех сложенных друг на друга больших покрышек, накрытых широкой доской. Ужин был простым, но сытным: половина жареной курицы, три вареных яйца, кукурузные початки, свежие томаты и хрустящие маринованные огурцы. К этому прилагался грубый отрубной хлеб.

Страпезой управились за десять минут. В животах поселилось приятное тепло и сытость. Как и обещал, Вирджил достал из аппарата три шоколадки. Кевину пришлось помочь Солнечному Лучу справиться с незнакомой упаковкой, и после сладкого довольство стало абсолютным.

— Скоро совсем стемнеет, а вам, как я понимаю, идти некуда, — произнес Вирджил, аккуратно сворачивая пакет из-под еды. — Денег у вас в обрез, гостиница не по карману. Но я знаю одну ферму неподалеку, ее владелец — мой старый приятель. Могу отвезти вас к нему и попросить приютить на пару дней.

— Вирджил, мы и так перед вами в долгу, — покачал головой Кевин.

— А мне только в радость. Знаете, помогать порой приятнее, чем получать помощь. Кто знает: может, и мне когда-нибудь станет худо, и Океан Надежд откликнется на мою мольбу так же, как сейчас помогает вам — моими руками.

— Вы верите в это? — тихо спросил Кевин. — В то, что Океан Надежд существует и заботится о нас?

Мужчина на мгновение нахмурился, а затем с уверенностью кивнул:

— Несомненно. Иначе и быть не может. Возможно, Он создал нас случайно, не по великой нужде, но за столько веков привык к нам и начал приглядывать.

— И как же Он выбирает тех, кому помогать?

— Кто знает... — Вирджил пожал плечами. — Может, всё, что я говорю — сущий бред стареющего человека. Сердце у меня пошаливает, в любой момент могу покинуть Старый Мир, вот и хочется верить, что Он складывает добрые поступки в сундук своей безбрежной памяти. И тем, у кого их накопилось вдосталь, одаривает лучшим местом на другом берегу Стикса.

— Мой муж, Дубовая Ветвь, был хорошим человеком. Ему было бы чем гордиться, — с тихой грустью вставила Солнечный Луч.

— Жаль, что он уже не с нами, — вздохнул Вирджил. — Уверен, на Земле Мертвых ему достался самый солнечный участок, какой там только возможен.

— На Земле Мертвых нет света, — убежденно возразила женщина.

— Что ж, возможно, вы правы, — согласился Стротэм. — Остается надеяться, что темнота — это единственное неудобство в тех краях.

К заправке медленно подкатил темного оттенка синего грузовичок и дважды коротко просигналил. Вирджил изобразил некое подобие улыбки и помахал водителю.

— А вот и Корри, мой сын. Пришло время его смены. Я отвезу вас на ферму. Пойдемте.

Из кабины грузовика вышел парень лет семнадцати. Он не сводил пристального взгляда с незнакомцев, идущих вслед за его отцом.

— Привет, сынок, — поздоровался Вирджил.

— У нас гости? — спросил Корри. Его хриплый голос, напоминающий кашель заядлого курильщика, больше подошел бы дряхлому старику, хотя черты лица парня были мягкими и даже красивыми.

— Да, — лаконично ответил отец.

— Машина сдохла или горючее кончилось? — обратился Корри к Кевину, засунув руки в карманы и всем видом показывая, что рукопожатий не будет. Оглядев путников с ног до головы, он усмехнулся: — Хотя о чем я. Любители такого прикида явно не в ладах с деньгами. Где ваши велосипеды?

— У них нет велосипедов, — быстро вставил Вирджил.

— Нет великов? — Корри подошел ближе к Солнечному Лучу, нагло разглядывая ее лицо и очертания фигуры под жилеткой. Женщина стоически выдержала этот взгляд. — Что ж, если хотите, я подброшу вас до фермы...

— Я уже предложил им это, Корри, — перебил отец.

Кевину парень не понравился с первой секунды. В воздухе между отцом и сыном висело тяжелое напряжение, словно они вели затяжную, скрытую войну. Когда наглость Корри перешла границы приличия, Кевин сделал шаг вперед, намереваясь осадить юнца, но тот сам внезапно утратил интерес к женщине и посмотрел на Вирджила.

— Это правильно, что предложил, — почти пропел Корри. — Людям надо помогать.

Нолан сразу решил: если Корри сам сядет за руль, Кевин вежливо, но твердо откажется от поездки. К счастью, парень просто бросил ключи отцу, и Вирджил поймал их обеими руками.

— Передашь от меня привет Папаше Дэвлону! — крикнул Корри вслед.

Вирджил махнул спутникам, приглашая к машине. Уже у самой кабины Кевин обернулся и перехватил взгляд парня. Тот, как ни в чем не бывало, помахал рукой на прощание. Нолан проигнорировал этот жест, чувствуя кожей фальшь юноши.

Хозяин заправки открыл пассажирскую дверь:

— Прошу вас, милая дисэль... эсель. Даже не знаю, как правильно.

— Можете просто по имени, — ответила она.

Солнечный Луч с опаской посмотрела на Кевина. Только когда он повторил приглашающий жест, она решилась забраться в салон. Женщина робко осматривала кабину, забавно сморщив носик: резкий запах бензина и машинного масла явно пришелся ей не по вкусу. Стоило Кевину сесть рядом, как она мертвой хваткой вцепилась в его запястье.

— Ну, поехали, — Вирджил завел мотор и с заметным усилием переключил рычаг.

Машина зарычала, кабина затряслась мелкой дрожью, и пальцы Солнечного Луча сжались еще сильнее. Чтобы успокоить её, Кевин накрыл её руку своей ладонью. Она взглянула на него с тихим ужасом в глазах. «Все хорошо, не бойся», — одними губами произнес он. Хватка немного ослабла.

Грузовичок развернулся, выхватывая фарами кусок кукурузного поля — на миг серые стебли вспыхнули сочной зеленью — и покатил во тьму. Когда заправка осталась далеко позади, Кевин решил нарушить угнетающую тишину:

— Кто такой «Папаша» Дэвлон?

— Хозяин фермы, куда мы едем, — ответил Вирджил, не отрывая взгляда от дороги.

— Это его имя — Папаша?

— Прозвище.

— У него много детей?

— Четверо своих. Но на ферме живет человек десять: и старый отец-ветеран, и семьи детей с внуками, и дальняя родня. Не говоря уже о сезонных рабочих.

— Мы не слишком их стесним? — засомневался Кевин.

— Не беспокойтесь, дом у Дэвлонна огромный, места на всех хватит.

Нолан еще раз поблагодарил старика. Тот лишь улыбнулся в ответ. Одна из фар грузовика работала с перебоями: она периодически «моргала», грозя вот-вот погаснуть окончательно, но каждый раз в последний момент оживала и снова давала ровный свет.

Спустя полчаса Вирджил кивнул на край очередного поля:

— А вот и владения Дэвлонна.

Разница бросалась в глаза. Здесь кукуруза была идеально ухоженной, без единого сорняка; стебли стояли выше и казались зеленее тех, что они видели раньше. У дороги заплясали огни фонарей, а вскоре фары выхватили из мрака две фигуры с ружьями. Вирджил просигналил, и те ответили приветственным жестом.

— Это люди Дэвлонна, — пояснил Стротэм. — Стерегут плантацию от воров.

— Должно быть, воровство здесь процветает, раз охрана вооружена.

— Хватает, — признал Вирджил. — Ферма Дэвлонна известна всему Тартуису. Его товар продают под отдельной маркой. Может, слышали о «Большом Дэве»? Друзья звали его так с юности, а Папашей он стал лет десять назад.

— Не приходилось, — признался Кевин.

— Скоро услышите, он расширяет дело с каждым годом.

— Рад, что деньги не испортили его, и он готов приютить странников.

— Да, Дэвлон такой. Лучшего человека в этих краях не сыскать.

— Не приbedняйтесь, Вирджил, — искренне заметил Кевин. — Вы тоже замечательный человек.

— Благодарю на добром слове.

Сразу за кукурузным полем вырос забор из белого камня — верный знак того, что особняк Дэвлонна уже близко. Верхушку стены венчали острые металлические пики, которые напрочь отбивали желание перебраться через нее в атлетическом порыве. Этот суровый вид слегка диссонировал с образом добродушного фермера, нарисованным Вирджилом, но не настолько, чтобы Кевин заподозрил неладное. А вот Солнечный Луч мгновенно напряглась, вцепившись в запястье Нолана.

— Этот забор построил еще отец Дэвлонна за год до войны, прежде чем уйти на фронт, — произнес Вирджил, словно считав их мысли. — Возможно, именно эти камни спасли его жену и сына.

— О какой войне вы говорите? — спросил Кевин и тут же прикусил язык, побоявшись выдать свою неосведомленность. Но Стротэм лишь укоризненно покачал головой:

— Эх, молодежь, совсем не знаете истории. Я о Второй мировой.

— Второй мировой?! — Кевин едва не подпрыгнул на сиденье. На мгновение ему показалось, что он ослышался. Неужели в этом странном мире тоже воевали с нацистами?

— Да, — кивнул Стротэм. — Более шестидесяти лет назад полыхнула вторая война между людьми и существами. Страшное было время, мой дед там poleg, а отец лишился ноги. Я же родился через год после того, как всё затихло.

— И с чего начался конфликт? — Нолан подался вперед, не в силах скрыть интерес.

— А с чего начинаются все беды? Земля. Существа захотели расширить владения, а люди делиться не желали. Нас вполне устраивало, что твари копошатся в своих болотах, лесах да пустынях. К тому же они повадились резать скот и нападать на путников — стычки вспыхивали то тут, то там, и всегда с кровью. В итоге всё это вылилось в Первую мировую.

Вирджил сделал паузу, перестраиваясь на более разбитую часть дороги.

— Та война длилась пять лет. Люди задавили числом. Существ прогнали с захваченных земель и даже отобрали часть их исконных территорий, загнав в резервации за высокие стены. Само собой, колдунам и бестиям это не понравилось. Вторая мировая была лишь вопросом

времени. Тридцать лет они зализывали раны и множились, а потом снесли ограждения и лавиной хлынули на наши земли.

Стротэм впервые за поездку обернулся к пассажирам, задержав взгляд на Солнечном Луче.

— Уж вы-то, дорогая, должны это знать. Ваши предки сыграли в той бойне решающую роль. Индейцы всегда стояли где-то посередине между миром людей и магией.

— Духи учат нас мудрости: золотая середина всегда лучше серебряных краев, — тихо произнесла Солнечный Луч. Это были её первые слова в машине.

— Истинно так. Но долго оставаться в стороне они не смогли. Обе стороны ходили к ним на поклон, требуя выбрать фланг. В итоге индейцы выбрали людей.

— А как же добрые волшебники? Неужели и они воевали против людей? — уточнил Кевин.

— Сынок, за всю жизнь я не встретил ни одного «добрého» чародея, — усмехнулся старик. — Они ненавидят нас так же, как мы их. В лучшем случае тебе попадетсЯ тот, кто живет по принципу «не трогай меня, и я пройду мимо». Пока мне везло именно на таких.

— Значит, союз с индейцами принес победу?

— Я в этом уверен. Хотя половина Старого Мира со мной поспорит — они верят в силу науки и ядерную бомбу. Правители объединений сбросили пять таких штук на логова агрессоров, когда те уже начали отступать. Как по мне, бомбы просто поставили жирную точку, но исход войны решился раньше.

— И выживших магов снова загнали на болота?

— Да, но на этот раз без стен. И леса оставили за ними. Решили, что если не зажимать их слишком сильно, Третьей мировой удастся избежать. Пока что эти расчеты оправдываются.

Свет фар выхватил из темноты кованые ворота, за которыми открывалась внушительная территория с идеально подстриженными газонами и фигурными кустами. Чуть поодаль возвышался мрачный двухэтажный особняк, чьи балконы подпирали массивные белые колонны. Окна первого этажа ярко светились, опоясывая старое здание огненным кольцом.

— Приехали, — буднично бросил Вирджил. Он дважды коротко нажал на клаксон и заглушил мотор. Спустя пять минут томительного ожидания он просигналил снова.

— Неужели спят? — вполголоса спросил Кевин.

— Сомневаюсь, — Вирджил покачал головой. — Работа здесь заканчивается за полночь. Скорее всего, они сейчас в амбаре, готовят сено на зиму.

Вскоре у ворот показался высокий мужчина лет тридцати пяти в рабочем комбинезоне. Прикрывая глаза ладонью от света фар, он пытался разглядеть незваных гостей. Стротэм открыл дверь и поднял левую руку в приветствии.

— Здравствуй, Стив!

— А, Вирджил... Давно же тебя не было, — в голосе Стива прозвучал легкий укор. Он начал открывать ворота. — Я уж думал, ты дорогу к нам забыл. Отец вчера у камина поминал тебя парой «ласковых» слов.

Кевин уловил во взгляде Вирджила тень искреннего волнения — старик явно чувствовал вину за редкие визиты.

— Рад, что я всё еще желанный гость, — отозвался он.

— Можешь в этом не сомневаться, — Стив широко открыл проезд. — С тобой кто-то есть?

— Да, мои друзья. Им нужен кров на пару ночей, и я сразу вспомнил про ваш дом.

— Друзья Вирджила всегда найдут у нас еду и постель, — заверил Стив и протянул руку. Кевин ответил на рукопожатие, отметив, что ладонь Стива была жесткой, как наждак, а хватка — чрезмерно крепкой, словно тот нарочно демонстрировал свою мощь. — Рад знакомству.

— Взаимно. Пройдемте, я представляю вас отцу и остальной семье.

— Я, пожалуй, двинусь обратно, — замылся Вирджил. — Дела еще остались и...

— Даже не думай! — перебил Стив. — Ты должен лично представить гостей отцу и выпить с нами чаю со смородиной. Ты ведь его любишь?

Вирджил на секунду замер, но затем усмехнулся, и напряжение окончательно покинуло его лицо. Улыбка старика показалась Кевину вполне искренней, а недавние подозрения — беспочвенными.

— На чашечку чая, пожалуй, задержусь.

— Вот и отлично! Пойдемте, Папаша Дэв будет счастлив увидеть столь дорогих гостей.

Они двинулись по ухоженной тропе, петляющей среди затейливых кустов, пока не уперлись в высокий внутренний забор с массивной деревянной дверью. Стив толкнул её, приглашая гостей войти. По ту сторону всё куда больше напоминало настоящую ферму: загоны с животными, тяжелые трактора, комбайны, штабеля плугов и лопат. Территория была залита ярким светом прожекторов на высоких столбах.

Стив подвел их к огромному амбару, из щелей которого пробивался свет и доносился гул голосов. С натугой распахнув тяжелые створки, он впустил их внутрь. Там кипела работа: пятеро мужчин перебрасывали тяжелые тюки сена, возводя под самой крышей настоящую соломенную крепость. Стоило Стиву войти, как работа мгновенно замерла.

— Отец, ты только погляди, кто к нам пожаловал!

Мужчина лет шестидесяти отбросил тюк сена и окинул пришедших внимательным взглядом. Его широкие плечи и огромные, узловатые ладони красноречиво говорили о том, что он не гнушался тяжелого труда с самых малых лет. Сперва Кевину показалось, что «Папаша» Дэвлон недоволен тем, что его отвлекли, но мгновение спустя лицо хозяина, заросшее густой бородой, расплылось в радушной улыбке, а в глазах заплескали искры искренней радости.

— Вирджил! Старая ты псина! Где тебя ведьмы носили?! — Папаша Дэвлон в пять широких шагов преодолел расстояние до гостя и сгреб Стротэма в охапку.

Кевину на миг стало страшно за хозяина заправки — Вирджил казался крохотным на фоне этого гиганта.

— Я тоже рад тебя видеть, Большой Дэв, — прохрипел Вирджил, стараясь не выдавать боли от медвежьих объятий.

— Уж и не знаю, верить ли тебе! — Дэвлон наконец разжал руки, но продолжал удерживать друга за плечи, будто опасаясь, что тот сбежит. — Почему ты не заглядывал столько времени, а?

— Ты же знаешь, никак не вырваться с заправки.

— А, эта твоя станция... — Дэвлон сокрушенно покачал головой. — Всё еще приносит гроши?

— На жизнь хватает, Большой Дэв.

— Вот не хотел ты меня слушать, старый упрямец, когда я отговаривал тебя покупать её у Хромого Тома! Дорога эта проклята. Если за сутки по ней проедет пять машин, две из которых залиют бак — это уже удача. Том избавился от обузы за приличный куш, а теперь играет на мандолине на веранде собственного особняка. Где справедливость?

Вирджил неловко отвел взгляд и нехотя кивнул. Кевину стало неприятно: Дэвлон вроде бы говорил по-дружески, но в его словах сквозило тяжелое превосходство.

— Посмотри на то, кем стал я, и кем остался ты, — подытожил Папаша Дэвлон, похлопав Вирджила по щеке. — Ну да ладно, не будем о грустном. Давай праздновать твой приезд!

— Большой Дэв, я хочу тебя познакомить с моими знакомыми, — Стротэм указал на Кевина и Солнечный Луч. — Им нужен ночлег на пару дней, и я решил, что мой старый друг не откажет.

Только сейчас Дэвлон по-настоящему заметил гостей. Его улыбка стала еще шире и теплее.

— Правильно решил, Вирджил. — Он протянул Кевину руку. — Олаф Пас Вул Дэвлон к вашим услугам. Гости зовут меня Папашей Дэвлоном, а друзья Вирджила могут называть Большим Дэвом.

— Мое имя Кевин Нолан, а это — Солнечный Луч. Мы признательны за гостеприимство.

— Эсель Солнечный Луч, — с неожиданной мягкостью произнес гигант, прижав кулак к сердцу. — После Второй мировой люди вашего этноса стали почти наместниками Океана Надежд в этом мире. Ваше присутствие — большая честь для нашей семьи.

Солнечный Луч сдержанно кивнула. Несмотря на радушие хозяина, она всё ещё чувствовала тревогу. Остальные мужчины в амбаре, в отличие от говорливого Стива, не выглядели приветливыми.

— Стив, проводи гостей в дом, — скомандовал Дэвлон. — Пусть женщины накроют на стол и поставят чайник. Мы закончим здесь и присоединимся к вам после душа. Чувствуйте себя как дома!

Когда гости двинулись к выходу, Дэвлон снова обратился к Стротэму:

— Ты-то останешься на ночь?

— Нет, только на чашку вашего чая из листьев виаллы и смородины.

— Рад, что ты не забыл наш семейный рецепт, старый ты пёс! — Дэвлон вернулся к работе и с легкостью подхватил тяжелый тюк. — Добро пожаловать в Тартуис, дорогие гости. Самое благословенное место во всем Старом Море.

2.

В особняке Олафа Дэвлон царили чистота и уют — то особое ощущение порядка, которое присуще лишь домам с заботливыми хозяевами. Комнаты казались просторными, а заливавший их свет свидетельствовал о том, что на электричестве здесь не экономят.

Гости расположились на широком диване, в то время как «Папаша» занял место в кресле-качалке у камина. В очаге мерно потрескивали дрова. Дэвлон держал в ладонях массивную кружку, с наслаждением вдыхая густой аромат напитка. Кевина удивил исходящий от чая запах: прежде ему не доводилось встречать столь изысканного сочетания сладких нот. Он пытался распознать хотя бы один ингредиент, но тщетно. Даже заявленной смородины Нолан не почувствовал. В конце концов он решил, что отвар приготовлен из трав и ягод, растущих лишь в Ближних Мирах и не имеющих аналогов в его мире.

Солнечный Луч сжимала свою чашку, но так и не притронулась к питью. Она замерла, поднеся край к самым губам; лишь глаза ее непрестанно двигались, изучая обстановку и особенно — яркие лампы под потолком. Плечи женщины изредка вздрагивали от внутреннего напряжения или волнения.

Вирджил Стротэм опустошил свою порцию первым и не отказался от добавки, когда Мэредит, супруга Улафа, предложила наполнить чашку вновь.

— Вижу, ты изрядно истосковался по нашему угощению, Вирджил, — негромко заметил Дэвлон, не переставая втягивать носом пар. — Велю Мэредит собрать тебе термос в дорогу. Порадуешь домашних.

— Ты очень щедр, Большой Дэв.

— Рассказывай, как они поживают?

— Кто? — Стротэм на мгновение растерялся.

— Близкие твои, — терпеливо пояснил хозяин. — Как Карэн? Как Дьюк?

— У них... всё в порядке. Карэн целыми днями пропадает в цветнике. А Дьюк подсобляет мне на станции.

«Его сына звали Корри», — промелькнуло в голове Кевина. «Если у него двое сыновей, почему про Корри не сказано ни слова?».

— Славная у тебя семья, Вирджил. Есть кем гордиться.

— Я и горжусь, — подтвердил тот, допивая чай залпом. — Большой Дэв, не сочти за навязчивость, но помнишь ли ты о нашем договоре?

— Разумеется, — кивнул Дэвлон. — Прошло много лет, но я помню каждую деталь. Однако сейчас мне совсем не хочется обсуждать дела. Давай я загляну к тебе завтра утром, и мы всё решим.

— Договорились! — на лице Вирджила впервые за вечер промелькнула искренняя радость. — Тогда увидимся завтра.

— Погоди, неужели ты уже уходишь? — расстроено спросил Дэвлон, поднимаясь вслед за гостем.

— Да, скоро полночь. Хочу застать Карэн до того, как она уснет.

— Понимаю. Ценю твою преданность домашнему очагу. — Хозяин протянул руку, и Стротэм крепко ее пожал. — Обожди пару минут, пока принесут термос.

— Спасибо, ты очень добр.

— Брось, не стоит столько благодарностей. Это я должен благодарить тебя за то, что наконец заглянул.

Дэвлон широко развел руки, и Вирджил шагнул навстречу для прощальных объятий. Они стояли так долго, возможно даже слишком; Большой Дэв словно не желал отпускать приятеля,

а Вирджил уже нетерпеливо похлопывал его по спине, напоминая, что торопится. Наконец Дэвлон отстранился, но, прежде чем отойти, ласково похлопал Стротэма по небритой щеке.

— Не забывай дорогу к моему порогу, старый пёс.

— Не забуду.

— Пойдем, провожу до ворот.

Вирджил закивал, махнул на прощание Кевину и Солнечному Лучу, после чего направился к выходу под конвоем хозяина фермы.

Стоило двери закрыться, как со второго этажа донеслись быстрые шаги, и вскоре в гостиной появилась девочка в просторном желто-белом платье. На вид ей было не больше четырнадцати. Собираясь пройти на кухню, она задержала любопытный взгляд на незнакомцах, сидящих в прихожей. Без тени стеснения, почти вприпрыжку, она приблизилась к дивану и плюхнулась в кресло-качалку, где только что сидел хозяин дома.

— Привет! — бросила она, вскинув правую руку. К Солнечному Лучу она быстро потеряла интерес, а вот внешность Кевина явно ее заинтересовала.

— Здравствуй, — отозвалась индианка. — Как тебя зовут?

— А ты симпатичный, — проигнорировав вопрос, произнесла девчонка, разглядывая Нолана с вызывающим любопытством. Она слегка подобрала подол платья, обнажив длинные, совсем не детские ноги, чья бледность выдавала полное равнодушие к крестьянскому труду.

— Ты внучка касса Дэвлон? — спросил Кевин, стараясь не реагировать на дерзкое поведение подростка.

Его слова вызвали у нее приступ веселья. Высокий звонкий смех превратил ее из провокаторши обратно в совсем юное создание. Солнечный Луч мельком взглянула на спутника и улыбнулась: ситуация казалась ей забавной, тогда как Кевину происходящее решительно не нравилось. Он поймал себя на мысли, что если бы его Кэтти через десять лет позволила себе так держаться перед посторонними мужчинами, он бы пришел в ярость.

— Папаша Дэвлон мне даже не родственник.

— Тогда кем ты ему приходишься? — нахмурился Кевин.

— Я? — девица полулегла в кресле, наматывая светло-каштановую прядь на палец. — Его наложница. Большой Дэв владеет большим гаремом.

Кевин понимал, что она лжет, однако на мгновение почувствовал неприятный привкус отвращения к хозяину фермы. Судя по морщинке, прорезавшей лоб Солнечного Луча, та восприняла слова всерьез, ощутив не меньший дискомфорт.

— А вы пара? — не унималась бесстыдница. — Если да, то разочарую: вы совершенно не смотрите вместе.

— Нет, мы не пара, — ответила Солнечный Луч.

— Чудесно! — воскликнула девочка. Поднявшись, она направилась к Кевину летящей походкой, переставляя стопы так, словно шла по канату над пропастью. Остановившись в шаге от Нолана, она развела руки и принялась балансировать на носочках, изображая готовность сорваться вниз. Эта детская игра выглядела в ее исполнении отталкивающе и неуместно. Еще пару раз качнувшись из стороны в сторону, она вскрикнула и приземлилась прямо Кевину на колени. Тот мгновенно вскочил, сбросив ее на пол.

— Ой! Больно! — жалобно запричитала девчонка, ударившись локтем о паркет. — Да что с тобой не так?!

— Со мной?! — возмутился Кевин. — Это с тобой что-то не так! Как ты себя ведешь?

— Только не надо включать строгого папочку, красавчик. — Она встала и потянулась к груди Кевина, но тот перехватил и крепко сжал ее запястье.

— В чем проблема? Я тебе что, не нравлюсь?

— Даллия!

При звуке грозного голоса девочка осеклась, ее лицо мгновенно утратило игривую гримасу. Кевин и Солнечный Луч обернулись: в комнату вошел Стив Дэвлон, не сводящий сурового взгляда с подростка.

— В свою комнату. Живо! — приказал он.

— Но, папочка, я просто хотела выпить воды.

— Тогда шагом марш на кухню и немедленно спать. Быстро!

Даллия обиженно поджала губы и поспешила скрыться. Стив проводил её взглядом и повернулся к гостям.

— Простите мою дочь, — он с досадой покачал головой. — Не знаю, когда мы упустили момент, но с каждым годом девчонка становится всё несноснее.

— Однако вас она слушается, — заметил Кевин.

— Пока еще да. А вот мать, Линду, она ежедневно доводит до слез. — Стив вздохнул и сменил тему: — Где мой отец?

— Пошел проводить Вирджила Стротэма.

— Он решил уехать так быстро? Даже не остался на ужин?

— Вирджил торопился к жене, — ответила Солнечный Луч.

— Да, он всегда был домоседом, — усмехнулся Стив. — Зато вы, надеюсь, не откажетесь посидеть с нами за столом?

— Мы не хотели бы вас обременять, — произнесла индианка. — К тому же мы уже поели на заправке.

— Полноте. Мать, жена и сестра приготовили столько, что хватит на весь Тартуис. Мы будем рады вашей компании, да и законы гостеприимства никто не отменял. — Стив приглашающим кивком указал в сторону кухни. — Пойдемте. Почти всё семейство Дэвлонсов будет в сборе — лучший момент для знакомства.

Прежде чем Кевин и Солнечный Луч успели шагнуть в сторону кухни, входная дверь отворилась и в дом вошел Папаша Дэвлон. По широкой улыбке на его лице было ясно: прощание с Вирджилом прошло на доброй ноте.

— Отец, мы как раз собирались ужинать, — сказал Стив.

— Что может быть лучше трапезы в приятной компании? — изрек глава семейства. — Не знаю, как вы, а мой желудок урчит громче, чем нутро разгневанного либара.

Он опустил тяжелые ладони на плечи Кевина и Солнечного Луча, увлекая их за собой. В дверях они едва не столкнулись с Даллией. На этот раз девочка извинилась, не поднимая глаз.

— Как жизнь молодая? — бодро поинтересовался Большой Дэв.

— Хорошо, дед, — так же скромно глядя в пол, отозвалась внучка.

— Не хочешь присоединиться к нам?

— Нет, я уже поела. Пойду к себе, позалипаю в сети.

— Только не засиживайся с телефоном допоздна.

— Не буду.

Даллия поспешила скрыться. Лишь у самой лестницы она на мгновение обернулась, надеясь поймать взгляд Кевина, но тот уже зашел в кухню.

На кухонной стене висел портрет мужчины средних лет. Высокий лоб, хмурый взор и плотно сжатые губы выдавали в нем волевою натуру, привыкшую добиваться своего вопреки всему. Под фотографией располагался алтарь, усыпанный свежими цветами. Среди лепестков виднелись огарки свечей; повсюду — и на полке, и на полу — застыли пятна воска.

— Это мой сын Ральф, — пояснил Большой Дэв, заметив любопытство Кевина. — Он погиб десять лет назад.

— Мне очень жаль, — тихо произнес Нолан.

— Мы смирились с потерей. К тому же верим, что Ральф сумел завести друзей и на Земле Мертвых, — с грустной улыбкой добавил Стив. — Брат находил подход к любому человеку. А вот с тварями поладить не удавалось даже ему. Одна из них его и погубила.

— Ну, довольно о печальном, — предложил Папаша, усаживаясь за стол, который женщины продолжали уставлять блюдами. — Прошлого не вернуть, но помнить о нем — наш долг.

Когда приготовления закончились и все заняли свои места, Большой Дэв принялся представлять домочадцев.

— Это моя дорогая Мэредит. Мы вместе без малого сорок лет. Я до сих пор помню нашу первую встречу. Какой красавицей она была! Полюбил я её за чудесный смех, который и сегодня звучит так же звонко, в отличие от её внешности.

— Улаф, ты всегда был неотесанным мужланом, не способным на изящный комплимент, — покачала головой Мэредит под общий смех. — И почему я только тебя выбрала и терплю столько лет?

— Вероятно, потому что при отсутствии красноречия у меня имелись другие достоинства.

— Это уж точно, — согласилась супруга. — Жаль только, я уже не помню, какие именно.

За столом снова раздался хохот. Напряжение, владевшее Кевином, окончательно растаяло. Искренность и легкость, с которой общались члены семьи, невольно подкупали. Даже Солнечный Луч позволила себе улыбку.

— Ну будет вам, мама, папа! — вмешалась женщина лет тридцати. В её голосе слышалась легкая неловкость за родителей, смешанная с доброй иронией. — У нас гости, что они о нас подумают?

— А это моя дочь Дафна, — представил её Улаф. — Она в нашей семье — оплот рассудительности и сдержанности.

— Должен же кто-то сохранять достоинство, — отозвалась Дафна. Стоило ей улыбнуться, как на щеках проступили ямочки, придавшие её неброскому лицу особенное обаяние.

— Дафна в нашем деле отвечает за связи с общественностью: изучает мнения клиентов и помогает совершенствовать товары, — не без гордости добавил Папаша Дэвлон, заговорщицки понизив голос. — Если о нашей марке пишут в газетах, интервью берут не у меня, а именно у неё. Она единственная в роду умеет излагать мысли так, чтобы это было интересно слушать и читать.

— И почему я слышу такие похвалы только при свидетелях? — поддела отца Дафна.

— Потому что в обычные дни баловать тебя — моя исключительная обязанность, — ответил сидящий рядом мужчина и поцеловал её в щеку, вызвав умиленные вздохи женской половины семейства.

— Пожалуй, пора представить и зятя Тони. — Большой Дэв похлопал мужа Дафны по плечу. — Тони у нас не просто завидный мужчина и примерный семьянин, но и блестящий менеджер. Он открывает для наших товаров новые рынки и заключает контракты на самых выгодных условиях.

— Кстати, Большой Дэв благословил наш брак лишь после того, как я договорился с фирмой, с которой он сам год вел безрезультатные переговоры. Это было его главным условием.

— Тони, не выставляй меня стяжателем перед гостями! — с напускной обидой проворчал хозяин дома. — Ведь я вовсе не такой.

— Разумеется, нет, и мы все об этом знаем, — заступилась за отца Дафна, и кухня вновь наполнилась смехом.

Легкая и ненавязчивая беседа домочадцев пришлась Кевину по душе. Он словно оказался в кругу собственных родственников, способных обсуждать за обеденным столом любые темы без стеснения, тайных обид или недомолвок.

— Следующая, кого я хочу представить, — моя вторая дочь Рита, — продолжил глава семейства. — Вот уж кто доставлял нам с матерью хлопот в детстве!

— Виновата, признаю, — Рита подняла руки, вновь вызвав общий смех.

В отличие от Дафны, ей не нужно было улыбаться, чтобы подчеркнуть свою красоту. У Риты ее просто не было. Худощавая, с короткой стрижкой, высокими скулами и впалыми щеками, она скорее напоминала подростка-сорванца, чем молодую женщину.

— Зато с годами ты преобразилась, — с гордостью добавил Большой Дэв. — Теперь Рита ведает персоналом. Все рабочие проходят через её собеседование. И если в нашей компании трудятся лучшие из лучших, то это исключительно её заслуга.

— Дорогой, может, не будем больше томить гостей и приступим к трапезе? — мягко предложила Мэредит. — Всё уже стынет.

— Мы совсем не голодны, нам очень интересно слушать о вашей сплоченной семье, — заверил Кевин, и в ту же секунду его подвел собственный желудок, громко заурчав.

— Язык говорит одно, а тело — другое, — усмехнулся Папаша Дэв. — Так тому и быть, примемся за еду, а с остальными познакомлю вас чуть позже. Бун?

— Да, Дэв, — отозвался мужчина, сидевший рядом с Ритой. — После ужина начну с тебя.

— Как скажешь.

— А теперь — приятного всем аппетита. И да поможет нам во всех начинаниях Океан Надежд.

— Да будет так, — хором откликнулись остальные и взялись за приборы.

Стол ломился от яств: мясо, свежее молоко, выпечка. Но основное место занимали овощи, причем некоторые из них Кевин видел впервые или никогда не пробовал сырыми — например, кабачки и тыкву. Еда была вкусной, однако Нолана не покидало ощущение странности. Вроде бы обычная фасоль, но вкус её едва уловимо отличался от привычного. То же самое можно было сказать о каждом блюде в доме Дэвлонов.

К концу ужина, прежде чем Большой Дэв успел продолжить знакомство, в кармане его куртки зазвонил мобильный телефон. Хозяин взглянул на дисплей, извинился и, поднявшись из-за стола, вышел из кухни. Солнечный Луч и видом не подала, что техническая новинка её заинтересовала, а вот Кевин смотрел на этот аппарат как на нечто невероятное. Ему до сих пор верилось с трудом, что Старый Мир технически столь близок к его родному дому.

Вскоре Большой Дэв вернулся с довольной улыбкой.

— Простите, дела не оставляют меня даже за семейным ужином, — он грузно опустился на стул. — На чем мы остановились?

— На очередной порции похвалы, на сей раз в мой адрес, — напомнил Бун.

— Верно, Бун. Это мой второй зять, дорогие гости. Он отвечает за качество продукции. Наш технолог. И скажу вам совершенно серьезно: более компетентного специалиста я в жизни не встречал.

— Приятно слышать это из ваших уст, — признательно склонил голову Бун.

— Также хочу представить вам Линду — жену Стива, — продолжил Дэвлон. — В семейном бизнесе она не участвует. Это её выбор, и мы его уважаем. В конце концов, должен же кто-то помогать моей Мэредит по хозяйству.

Линда была старше Дафны и Риты, но, в отличие от них, не нуждалась в ухищрениях макияжа, чтобы подчеркнуть миловидность. В каждом её движении сквозило изящество. Она предпочитала смотреть в сторону или на мужа, избегая встречаться взглядом с Дэвлоном или гостями.

— Ну и, конечно, Стив — мой старший сын, — представил его отец. — Это бремя перешло к нему после смерти Ральфа. Непростая ноша, но он справляется блестяще. Стив — моя правая рука. За десять лет мне ни разу не довелось в нем усомниться.

— Благодарю, отец, — отозвался тот.

— Что ж, друзья, я познакомил вас со всеми, кто собрался за этим столом. Есть еще мой младший сын и внуки, но они, верно, уже видят сны. Даллию вы видели, а с остальной молодежью встретитесь утром.

— У вас ведь есть еще отец, ветеран войны, — внезапно подала голос Солнечный Луч, заставив присутствующих умолкнуть. — Вы не представите его нам?

Кевин в недоумении взглянул на спутницу. Он помнил рассказ Вирджила о старике, жившем на ферме, но, в отличие от индианки, его не задел тот факт, что хозяин дома решил о нем не упоминать.

— Да, — кивнул Дэвлон после затянувшейся паузы. — Мой отец все еще радует нас своим присутствием. Сейчас он в своей комнате в мансарде. Старик не вышел к ужину лишь потому, что в последнее время занемог. К тому же врачи предписали ему строгую диету, исключая большинство блюд с нашего стола.

— Дункан Дэвлон сделал много для процветания этой земли, и мы им гордимся, — добавила Мэредит, накрыв ладонь мужа своей. — Он не просто участник Второй мировой, он — её герой.

— Жаль, что дедушка уже слаб и не может разделять с нами трапезу, — подхватила Рита.

— Думаю, пора закругляться, — произнес Большой Дэв, поднимаясь. — Нашим гостям пора отдохнуть. Дафна, будь добра, проводи их наверх.

— Хорошо, папа.

Кевин и Солнечный Луч встали вслед за хозяевами. Дочь Дэвлон показала им ванные комнаты и отведенные спальни. Умывшись и переодевшись, Кевин лег в постель. Он уже погружался в дрему, когда его посетила мысль, прежде почему-то ускользавшая от внимания. Этот вопрос даже на время прогнал сон.

«Это первый дом в Ближних Мирах, где хозяева не спросили, кто я и куда держу путь».

Странно, но это было так. Что это значило? Возможно, они просто не хотели докучать гостям расспросами. В любом случае, это было на руку: Кевину не хотелось сочинять небывлицы, тем более что дар Правды все еще мог теплиться в его теле.

Засыпая, он вспомнил об исчезновении Марка Уотера и о том, что Океан Надежд совсем близко. Осталось найти последний портал — и тогда он снова обнимет Клэр и Кэтти...

3.

Вирджил Стротэм вылил чай, приготовленный для него Мэредит Дэвлон, на обочину дороги. Лишь на мгновение его посетила мысль о безумстве этого жеста, но следом пришла твердая уверенность в своей правоте. Вкус напитка Дэвлонов ему слишком нравился, и именно это пугало сильнее всего. Наверняка в состав входило нечто большее, чем просто заварка, иначе отвар не вызывал бы привыкания — легкого, но вполне ощутимого. Пять лет назад, когда Вирджил пил его в последний раз, ему понадобился почти месяц, чтобы окончательно избавиться от навязчивых мыслей о притягательном аромате.

Вероятнее всего, Дэвлон подмешивали в настой какой-то слабый наркотик. Этого было достаточно, чтобы доверчивые простаки вроде его новых знакомых, угодивших в лапы монстра не без его помощи, пребывали в блаженном неведении. Но Вирджил никогда не считал себя глупцом — по крайней мере, ему хотелось верить в свою способность к трезвому расчету и логике. Он был одним из немногих, кто догадался, что со злополучным чаем что-то не так, и решил по возможности вовсе от него отказаться. В доме Большого Дэва он осушил две кружки, но теперь, оставшись один, мог больше не притворяться, будто рад встрече со старым приятелем. Дэвлон давно перестал быть другом. Да и были ли они ими когда-то? Раньше Вирджил верил в эту связь, но хозяин фермы, скорее всего, никогда не видел в нем равного. Алчность и жажда власти годами отравляли нутро Улафа, превращая его в того, кем он стал.

Стротэм вел грузовичок обратно к заправке, размышляя о том, что этой ночью сам поступил не лучше Большого Дэва — принес в жертву мужчину и женщину, не сделавших ему ничего дурного. Пусть это было ради спасения собственной семьи, тошнота отвращения к самому себе подступала к горлу. Пытаясь отвлечься, он включил радио и стал подпевать Рэю Гарднеру. Тот исполнял вещь из своего богатого репертуара, текст которой был написан двести лет назад и по праву считался классикой Старого Мира. Вирджил любил эту мелодию. К собственному творчеству Гарднера он относился прохладно, но признавал: никто не исполнял песни Марка Уотера лучше Рэя. Пожалуй, даже сам автор не смог бы так спеть. Впрочем, проверить это было невозможно — никто в Старом Мире из ныне живущих никогда не слышал голоса человека, создавшего эти шедевры.

Пропев строку и припев, Вирджил умолк. Даже любимые «Торговцы светом» не могли развеять гнетущую тоску. Оставалось надеяться, что на первых порах поможет бутылка самогона, спрятанная под лавкой на станции. Вскоре добрые чувства должны были взять верх над горечью — стоило лишь снова обнять сына, последнюю частицу когда-то большой и счастливой семьи. Вирджил верил, что Большой Дэв при всех своих пороках всё же обладал каплей чести и умел держать слово.

Заправка была уже совсем близко, а с ней и желанная бутылка, но предвкушение отдыха омрачилось в тот миг, когда свет фар выхватил из темноты фигуру Корри.

— Маленький паршивец! — выругался Стротэм. — Что же ты не убрался по своим «особо важным» делам?

Корри вышел из магазинчика, лениво жуя шоколадный батончик, как раз когда Вирджил выбирался из кабины.

— Рад снова тебя видеть, «отец», — усмехнулся парень. Он швырнул обертку под ноги, не заботясь о чистоте.

— Не называй меня так, гаденыш! — Вирджил погрозил ему пальцем.

— Отчего же? Ты ведь зовешь меня сыном.

— Это было лишь раз, и только ради тех чужаков.

— Вот именно, чужаков, — Корри облизал пальцы и, не найдя ничего лучше, вытер их о рубашку Стротэма. — А что мы делаем с чужаками, Вирджил?

— Я отвез их в дом твоего отца.

— Отвез, — согласился Корри. — Но сделал бы ты это, не проезжай мимо станции мой человек? Не доложи он мне о твоих гостях?

— «Твой» человек, — с пренебрежением повторил Вирджил. — Говоришь так, будто сам заправляешь делами, а не Большой Дэв.

— Неважно, что я говорю. Куда важнее, что ты не желаешь помогать нам, всей губернии и даже самому себе. К тому же ты доставил на одного человека меньше. Ведь был еще третий, примерно моего возраста.

— Да, был, — не стал скрываться Вирджил, понимая, что отпираться бессмысленно. — Но он ушел, я и заметить не успел. Насколько я понял, у них возник конфликт, и парень их бросил.

— Ты точно не лжешь? Не забывай, что на кону встреча с сыном.

— Корри, где он? — Вирджил мгновенно сменил гнев на покорность, чем явно порадовал дерзкого юношу. — Вы обещали его вернуть!

— А ты обещал быть верным псом.

— Но я ведь привел их! — вскричал хозяин заправки. Его рука со скрюченными пальцами замерла в опасной близости от лица парня, который продолжал с надменностью смотреть на мужчину, превосходившего его по возрасту почти вчетверо.

— Хорошо, что ты вовремя остановил свою культяпку. Стоило тебе хоть пальцем меня тронуть, и Дьюка бы ты больше не увидел.

— Прости, сынок, я не хотел...

— Не смей называть меня так, жалкое отребье, — процедил Корри. — Хвала Океану Надежд, мы не родственники.

— Простите, касси, я не хотел вас обидеть, — смиренно произнес Вирджил и склонил седую голову перед юнцом.

— Отлично, ты начинаешь понимать правила, старик. А теперь скажи: сколько чая, приготовленного моей матушкой, ты выпил?

— Всё! До последней капли! — закивал Вирджил.

— Правду ли ты говоришь?

— Конечно, могу показать пустой термос.

Корри Дэвлон некоторое время пристально изучал собеседника колючим взглядом, после чего отрицательно качнул головой.

— Нет нужды. Пройдем лучше в магазин, на улице становится зябко.

Юноша отступил, пропуская Вирджила вперед. Тот, помедлив, переступил порог и с горечью оглядел беспорядок, устроенный наглым гостем. Повсюду валялись осколки разбитых витрин, обертки от сладостей и пустые упаковки. В помещении стоял резкий запах мочи — Корри не удосужился дойти до уборной, решив справить нужду в каждом углу магазина.

— Знаешь, я всегда хотел лично сказать тебе это: «Твоего сына нет в живых», — раздался за спиной злорадный голос, и в ту же секунду горло Вирджила сдавила тонкая удавка.

Мужчина попытался засунуть пальцы под шнурок, чтобы унять жгучую боль, но тщетно — нить оказалась слишком тонкой и мгновенно врезалась в мягкую кожу. В висках застучала кровь, перед глазами поплыл туман, а язык невольно вывалился наружу. Несмотря на юность, сил у Корри хватило, чтобы затянуть петлю, не оставляя жертве ни единого шанса. Вирджил отчаянно сопротивлялся, но каждое движение лишь ускоряло конец. Он попытался лягнуть мучителя, надеясь попасть по голени, но тут же почувствовал жесткий удар коленом в поясницу. Мощный толчок бросил его на пол лицом вниз. Силы оставили старика, и он позволил жизни угаснуть. При этом в самом конце чувствуя смирение, к тому же слова юного подонка заставили потерять старика вкус к жизни окончательно и бесповоротно.

Как только тело замерло, Корри ослабил хватку и смотал окровавленную нить. Тяжело дыша, он с удовлетворением осмотрел поверженного врага, а затем перевел взгляд на собственные руки — мышцы налились кровью и заметно увеличились. Полюбовавшись собой, юноша достал телефон и набрал отца. Тот ответил после четвертого гудка.

— Что еще?

— Старый пес отслужил свое.

— Ты его убил?! — голос Большого Дэва стал угрожающим. Хотя Корри всегда твердил себе, что не боится отца, в такие моменты былая уверенность бесследно исчезала.

— Мне пришлось, — тут же перешел к оправданиям Корри. — Он не оставил мне выбора.

— Мы не убиваем людей без нужды! — гневно оборвал его Папаша Дэвлон. — Когда ты повзрослеешь?

— Отец, поверь, так будет лучше для всех.

— Ты это деду скажи! Думаешь, он одобрит?

— Этот старик всё равно не пил чай.

— При мне он опустошил две кружки!

— Но содержимое термоса он вылил! — выпалил Корри, не догадываясь, что обманывая сказал правду.

— Он сам признался или ты видел?

— Сказал.

— Ладно, — уже спокойнее произнес Большой Дэв. — Грузи его в машину и вези на ферму. Поздно уже, тебе пора спать.

— Хорошо, Папаша. Скоро буду.

Повесив трубку, Корри тяжело выдохнул и провел ладонью по волосам, после чего облегченно улыбнулся. Всё сложилось даже лучше, чем он рассчитывал. По тону отца парень заключил, что тот в глубине души даже горд его решительностью. Юноша был уверен, что уловил в словах Папаши негласное одобрение.

Переступив через тело Стротэма, Корри выудил из разбитого автомата пакетик со сладкой кукурузой. Расправа — дело утомительное, и теперь ему требовалось подкрепиться.

Глава 5: Друзья, о которых и не вспомнишь

1.

Губерния Калдор мало чем отличалась от небогатых провинций Зрелого Мира. Альберта даже посетило дежавю, которого он не ожидал испытать в этом новом Мира. Если бы не самоходная колесница, в которой он по-прежнему находился, парень мог бы предположить, что некая высшая сила, стремящаяся к порядку, вернула его в привычные места.

Ларри Филч подкатил грузовичок к одному из многочисленных двухэтажных зданий. Двери там были распахнуты настежь: через них непрерывным потоком сновали люди в одинаковых одеждах. Те, кто выходил наружу, несли на плечах тяжелые мешки; входившие же шли налегке, но лишь до тех пор, пока не появлялись снова.

— Приехали, — сообщил Ларри, глуша мотор. — Здесь я тружусь. Работа, как видишь, пыльная, да и жалованье скромное, но знаешь, в чем ее преимущество?

— В чем? — спросил Альберт, глядя в заговорщически прищуренные глаза спутника.

— В том, что уволиться можно в любой момент, и жалеть не станешь.

Они покинули машину. Ларри выпрямился и размял поясницу, стараясь унять боль в напряженной спине. Альберт же двигался осторожно, боясь, что на него обратят внимание, разоблачат и признают чужаком. Однако окружающим не было дела до прибывших: рабочие упрямо тащили груз, скрываясь за стенами зданий в глубине проулка.

— Это порт, — пояснил Филч, увлекая товарища за собой. — Мы грузим мешки на паром, а он развозит их по разным губерниям.

— А что внутри? — поинтересовался Альберт.

— По-разному: порой крупы или зерно, как сейчас, иногда песок и цемент. Бывают удобрения, а случается таскать и что-то дурно пахнущее, — Ларри с отвращением передернул плечами и высунул язык, будто съел что-то мерзкое. — Но за вонь платят лучше всего.

Они вошли внутрь склада, стараясь держаться стен, чтобы не мешать грузчикам, и поспешили на второй этаж. Путники остановились у деревянной двери со стеклянной вставкой. На ней уцелело лишь слово «Начальник» — остальные буквы стерлись и больше не несли никакого информативного посыла. Филч постучал, после чего повернул медную ручку, истертую от частого использования.

В просторном кабинете, загроможденном нужными и бесполезными вещами, сидел грузный мужчина лет пятидесяти. Он на повышенных тонах говорил с кем-то по телефону.

— Нет, Джордж, это ты не понимаешь! Если сделка сорвется, я не только прекращу с тобой всякие отношения, но и устрою такую антирекламу, что никто больше дела с тобой не займет! А я это могу, связей хватает! — Хозяин кабинета нервно провел ладонью по густой седой бороде, выдавая крайнее напряжение. — Что? Думаешь, не решусь? И почему же? Потому что ты постоянный клиент? Поверь, моя компания держится не только на твоих заказах! Ты не первый раз меня подводишь. Рассчитывал, что и теперь все сойдет с рук? Нет, Джордж, я устал. Хочешь обсудить? А мне это неинтересно, я всё сказал. Вот и славно, ищи других перевозчиков и им морочь голову, а меня оставь в покое!

Мужчина в сердцах швырнул трубку и пробурчал под нос нечто грубое. Затем он прижал ладони к вискам и опустил голову. Неизвестно, сколько бы длилось это молчание, если бы Ларри его не окликнул:

— Тавв Дебри!

— Чего тебе, Филч? — отозвался тот спокойнее, чем ожидалось, не прекращая массировать виски.

— Я достал медикаменты, за которыми вы меня посылали.

— Почему так долго? — спросил Дебри, по-прежнему глядя в столешницу.

— В ближайшей аптеке не нашлось нужного. Другая оказалась закрыта. Пришлось ехать за таблетками в Кавенбер через Тартуис.

— Тартуис? — наконец оживился хозяин кабинета. Он поднял голову и с изумлением воззрился на подчиненного, совершенно не замечая стоявшего рядом Альберта. — Ларри, ты в своем уме? Я ценю твоё рвение, но ехать за лекарствами через эти проклятые места — безумство даже для такого простака, как ты.

— А что не так с Тартуисом? — подал голос Альберт.

Дебри перевел усталый взор на юношу, внимательно изучил его лицо, после чего поднялся и подошел к Дрейку почти вплотную. Руки он держал в глубоких карманах брюк с безупречно отутюженными стрелками.

— С этим местом всегда всё было не так, — уклончиво ответил хозяин кабинета. — Как звать-то тебя, парень?

— Альберт. Альберт Дрейк, тавв.

— И что же ты забыл в моем кабинете, Альберт Дрейк? — спросил Дебри. Тон его оставался спокойным, но в голосе проскользнула колкость.

— Я решил подвезти его. Подобрал у кукурузного поля, — ответил за спутника Филч.

— Позволь угадать: поле это находилось в Тартуисе?

— Так точно, — признался Ларри. — Но Альберт не из местных.

— И откуда же ты в таком случае? — Дебри в упор посмотрел на Дрейка своими бесцветными глазами.

Альберт поспешно сочинил правдоподобную историю, стараясь отвечать без запинок, чтобы слова не походили на вымысел.

— Я издалека. Сбежал из дома, путешествую уже три месяца. Перебираюсь из одной губернии в другую, перебиваюсь случайными заработками. Когда Ларри подвез меня и предложил работу у вас, я не раздумывал ни секунды. Так я здесь и оказался.

— Судя по одежде, которая хоть и запылилась, но сшита по хорошим лекалам, ты не из бедной семьи, — подметил Дебри.

— Вы правы, тавв, — подтвердил Альберт.

— Его отец — известный писатель! — вставил Ларри.

От этих слов Альберта обдало холодом. Неудивительно: в кабинете Дебри тянулись стеллажи с книгами, и интуиция подсказывала Дрейку, что большинство из них не имеют отношения к логистике или учету.

— Да неужели? — хозяин кабинета недоверчиво качнул головой. — Твой отец — Пол Дрейк? Автор «Пожара в небесах» и «Горечи истины»?

— Нет, мой отец — Роберт Дрейк. Он скорее поэт, чем прозаик, — искренне ответил Альберт, втайне надеясь, что начальник не жалует лирику.

— Понятно, — разочарованно протянул Дебри, к вящему облегчению юноши. — Стихами я, к счастью или к сожалению, не увлекаюсь. Сколько тебе лет, сынок?

— Двадцать.

— Если ищешь работу, я готов дать тебе шанс. — Дебри стремительно вернулся к столу и принялся перебирать кипу папок. — Пойдешь грузчиком. Смена начинается в шесть утра и длится до шести вечера. Выходные — только суббота и воскресенье. Никаких отгулов: пропуск допускается лишь по веской причине и с моего личного одобрения. Чем усерднее будешь трудиться, тем больше серебра получишь в конце смены. Обед за свой счет. Перекуры не приветствуются, об алкоголе забудь, иначе мигом вылетишь. Если согласен на такие условия — сработаемся. Вопросы есть?

— Нет, тавв, — незамедлительно отозвался Дрейк.

— Прекрасно. — Дебри наконец извлек нужный бланк и положил его на край стола. — Прочти, заполни и подпиши. Если возникнут трудности — спрашивай. Впрочем, раз ты из благородных, то наверняка грамотен, и это не составит для тебя труда.

— Даже я справился, хоть за спиной всего пять классов, — не без гордости вставил Ларри.

— А ты его хотя бы читал? — с сомнением покосился на него Дебри.

— Разумеется! — обиделся Филч.

Альберту хватило нескольких минут, чтобы заполнить анкету и оставить подпись. Дебри бегло осмотрел документ и скрыл его в папке.

— Бумаги ты марать горазд, — заметил он, накрыв ладонью папку. — Надеюсь, и с физическим трудом дела обстоят не хуже. Если ты внимательно изучил условия, то знаешь об испытательном сроке в три недели. Если за это время желание не пропадет — заключим стандартный контракт. А теперь ступай за Ларри, он введет тебя в курс дела. И помни: завтра ровно в шесть ты должен быть здесь. Опоздаешь хоть на минуту — наш уговор аннулируется.

— Благодарю вас, тавв Дебри, — Альберт почтительно кивнул. — Я не подведу.

— А теперь проваливайте из моего кабинета, у меня куча дел! — напутствовал их хозяин, но, прежде чем дверь закрылась, окликнул подчиненного: — Филч!

— Да, босс?

— Ты ничего не забыл?

Ларри поначалу лишь в недоумении пожал плечами, но быстро спохватился и хлопнул себя по лбу. Выудив из кармана пузырек с таблетками, он поставил его на стол Дебри, после чего они с Альбертом вышли в коридор.

— Что за лекарства? — поинтересовался Дрейк. Из-за спины уже доносились новые раскаты недовольства: начальник распекал очередного собеседника по телефону.

— Ну, знаешь... когда работа заставляет тебя целыми днями сидеть на стуле...

— Можешь не продолжать, я понял, — усмехнулся Альберт, и Ларри весело поддержал его.

— Идем, — позвал Филч. — Уже смеркается, мне нужно ввести тебя в курс дела, хотя там и объяснять особо нечего. Потом поедem ко мне. Переночуешь у меня.

— Спасибо, Ларри, но мне не хотелось бы тебя стеснять.

— Пустяки, приятель. Мы же друзья. А кроме меня у тебя здесь знакомых, насколько я понимаю, нет. Верно?

— Да, — нехотя подтвердил Альберт. — Был один человек, но он сейчас далеко. А о тех, кого я считал близкими еще сегодня утром, теперь и вспоминать не желаю.

2.

Ларри Филч снимал жилье неподалеку от порта. Квартира была двухкомнатной, если можно было удостоить таким определением тесную каморку. Вещи Ларри предпочитал не убирать в шкаф, а попросту бросать на пол или заталкивать под диван. Среди мужской одежды мелькали и женские детали: розовый свитер, слаксы, нижнее белье.

Едва переступив порог, Альберт почувствовал горьковато-сладкий дым. Этот запах был ему знаком. Так порой благоухало в дешевых тавернах, где останавливалась ныне канувшая в небытие Банда Благородных. Похожий аромат исходил и от дворника, трудившегося в поместье его знаменитого отца. Тот продержался на службе всего пару месяцев и был уволен не столько за пристрастие к дурманящим травам, сколько за кражу двух десятков подков из конюшни. Альберт до сих пор гадал, зачем вору понадобилось именно это, ведь в конюшне имелись вещи куда ценнее. В итоге он решил, что бедолага не был преступником — скорее, трусоватым дураком, отчаянно нуждавшимся в деньгах на очередную порцию травы.

— Располагайся! — радушно воскликнул Ларри, попутно сгребая с пола женские вещи. — Не обращай внимания на бардак. Моя подруга, Нойс, скоро вернется с работы. Она приготовит ужин и, поверь, будет рада гостю.

— Я не знал, что ты живешь не один, — смутился Альберт, оглядывая царящий вокруг хаос.

— Да брось, — отмахнулся Филч, забрасывая белье в корзину для стирки. — Ты нам не помешаешь. Нойс обожает новые знакомства. Давай-ка я лучше тебя кое-чем угощу.

При последних словах голос Ларри приглушился, а глаза лихорадочно заблестели. Альберту не составило труда догадаться, к чему клонит новый знакомый. Филч распахнул дверцы шкафа, где царил не меньший беспорядок, чем в комнате, и, раздвинув стеклянные банки и свертки, извлек коробку. Внутри лежали обрывки пожелтевших газет и сухие стебли с терпким, тяжелым запахом.

— Знаешь, что это? — спросил Филч с такой торжествующей улыбкой, будто в его руках был не сорняк, а ларец с золотом.

— Догадываюсь. Ларри, я не хочу даже пробовать.

— Да ладно? С чего вдруг? Впервые вижу человека, который бежит от доброго угара.

— Никогда не притрагивался к подобному и не собираюсь.

— Неужели? — удивился Ларри, смешно вытянув губы. — Ни разочку?

— Нет.

— Тогда тем более стоит начать! Это в корне изменит твой взгляд на мир. Раскрасит серые будни яркими цветами.

— Нет, Ларри, я вынужден отказаться.

Филч собирался привести новые аргументы, но в этот момент дверь отворилась и в квартиру вошла девушка. На ней было помятое платье, которое, тем не менее, выгодно подчеркивало стройную фигуру и длинные ноги. Волосы, небрежно собранные в пучок на затылке, лоснились, придавая облику некоторую неопрятность, однако лицо казалось миловидным, несмотря на усталый взгляд.

— Океан Надежд, как же меня утомили эти похотливые старики! — воскликнула она с порога. — Мерзкий Стэн Деллас снова приставал с непристойными предложениями и весь день пытался ухватить меня за зад.

Лишь закончив тираду, она заметила незнакомца. Девушка сконфуженно вздрогнула, наморщила лоб и коротко бросила:

— Упс...

— Нойс, знакомься, это мой друг Альберт, — Филч подошел к подруге, поцеловал её в щеку и забрал тяжелую сумку. — Он поживет у нас пару дней.

— Рада, что ты предупредил об этом заранее, — съязвила она.

— Прошу прощения за внезапное вторжение, — Альберт слегка склонил голову, чем немало удивил хозяев. — Если моё присутствие вас стесняет, только скажите, и я немедленно уйду. Поверьте, я не обижусь.

— Ладно, чего уж там, — отмахнулась Нойс, сбрасывая кеды. — Раз Ларри пригласил, значит, так тому и быть.

Спустя полчаса девушка подала ужин: разогретые консервированные бобы с жареным беконом. Еда показалась Альберту великолепной, хотя он осознавал, что виной тому был обычный голод. Поблагодарив хозяйку, юноша вызвался помочь с посудой, от чего Нойс не стала отказываться. Закончив дела на кухне, все трое перебрались в комнату. Альберт с нескрываемым любопытством уставился на включенный телевизор, не решаясь расспрашивать об этом странном устройстве, пока Ларри сосредоточенно сворачивал самокрутки. Тот вновь предложил Дрейку приобщиться к дурманящему зелью, но гость опять вежливо отказался.

— Старик продолжает к тебе лезть? — спросил Филч, облизывая край бумаги.

— «Лезть» — это еще слабо сказано, — покачала головой Нойс.

Она сидела на диване, прислонившись к плечу Ларри, и задумчиво смотрела куда-то мимо экрана. Вернувшись с работы, она переоделась в короткие эластичные шорты и просторную майку, явно принадлежавшую Филчу.

— Судя по его байкам, Деллас в молодости имел успех у дам и теперь уверен, что любая обязана пасть к его ногам за былые заслуги. Но даже если кто и согласится — в чем я сильно сомневаюсь, — он всё равно опозорится: там давно уже ничего не работает.

— И всё же я не хочу, чтобы тебя касался кто-то чужой.

Ларри протянул Нойс самокрутку, и они обменялись быстрым поцелуем.

— А у тебя, Альберт, есть девушка? — поинтересовалась она.

Дрейк, не мигая, наблюдал за происходящим на экране. Слово «телевизор» он повторял про себя, стараясь запомнить: из разговоров стало ясно, что этот ящик с картинками — вещь в Старом Мире обыденная, и знать о ней должен каждый.

— Нет, — отозвался он, следя за обворожительной женщиной, которая предлагала невидимому покупателю золотое кольцо по баснословно низкой цене. — При моем образе жизни сложно завести крепкие отношения.

— Откуда ты родом? — спросила Нойс, ловко уплотняя самокрутку ладонью о бедро.

— Альберт не любит вспоминать прошлое, — вставил Филч, готовя сигарету для себя. — Но об одном он твердит постоянно.

— О чем же?

— О том, что его отец — знаменитый писатель. Или поэт...

— Поэт, — поправил Альберт, вновь пожалевав, что разоткровенничался с Ларри.

— И как его имя? — Нойс чиркнула зажигалкой. Сладковатый дым поднялся к потолку и начал медленно заполнять комнату.

— Роберт Дрейк, — глухо ответил юноша.

— Дружище, переключи на другой канал, — попросил Ларри. — Тошно смотреть на это барахло.

Альберт замер, не понимая, чего от него ждут. Явно что-то связанное с телевизором, но просьба Филча звучала для него как шифр.

— Да вон же пульт, на столе перед тобой! — воскликнул Ларри, указывая сигаретой на продолговатый черный предмет с цветными кнопками.

— Конечно, тебе не нравится, — усмехнулась Нойс, обращаясь к Филчу. — Боишься, что я соблазнюсь побрякушками и попрошу купить что-то подобное? Да у тебя даже на такие дешевки денег не хватит.

Альберт осторожно поднял с края дивана непонятный предмет. Тот оказался легким и на удивление удобно лег в ладонь.

— Ни капли не боюсь, — покачал головой Ларри, глубоко затянувшись. — Ты не такая, как остальные, за то и люблю.

— Любишь? Ха! Не смеши. Любил бы — давно замуж позвал.

— Зайка, давай не при Альберте.

— Да шучу я, — отмахнулась девушка. — Не хочу я замуж... пока. А если и соберусь, то уж точно не за тебя.

— Вот вечно вы так! — возмутился Филч. — Специально говорите гадости, чтобы задеть мужское самолюбие.

Альберт провел большим пальцем по поверхности пульта, ощущая выпуклость каждой цветной и — такой же черной, как и сам прибор — кнопки. Интуитивно он нажал на одно из ярких пятнышек, но ничего не произошло. С одной стороны, он обрадовался, что ничего не испортил, но с другой — расстроился: предчувствие его все же подвело.

— Вот когда ты будешь зарабатывать столько, что сможешь позволить себе купить девушке ожерелье, тогда я и захочу стать твоей женой, — проговорила Нойс.

Она усмехнулась, втянула полную грудь дыма, после чего прижалась губами к губам Ларри и выдохнула ему в рот. Тот жадно втянул дым в себя. Когда их губы разлепились, Филч задержал дыхание на несколько секунд, а затем с блаженством выдохнул.

— Ох, детка, в такие мгновения я готов осыпать тебя золотыми монетами с ног до головы.

Альберт не оставил попыток разобраться со странным предметом и нажал на другую кнопку, обозначенную цифрой. И — о чудо! — картинка на экране сменилась. Вместо обворожительной женщины, продающей драгоценности, появился поющий мужчина, за спиной которого плескалось озеро.

— О, оставь здесь, Альберт, — попросила Нойс. — Я обожаю эту песню. «Я своей любовью отопрею тебя, И во взгляде твоём я найду для себя все ответы...» — запела она в унисон с исполнителем на экране.

— Если мне и стоит тебя ревновать к кому-то, так это к Ричарду Босвеллу, — усмехнулся Ларри. — Сорокалетний ловелас знает толк в любовной лирике и ванильных мелодиях.

— «И рассвет станет ярче рядом с тобой, А закат принесет нам манящую страсть...» — продолжала напевать Нойс, глядя на экран сквозь полуопущенные веки. Самокрутка медленно тлела между её пальцами.

— А твой отец не пишет слов для песен, Альберт? — спросил Ларри.

— Точно! — оживилась Нойс. — Наверняка пишет. Я уверена, что мы даже слышали какие-то песни на его стихи.

— Нет, — покачал головой Альберт. — Мой отец не любит песен. Считает их губительными для поэзии.

На самом деле Роберт Дрейк относился к музыке нейтрально, и ни о какой нелюбви речи не шло. Однажды поклонник его творчества положил музыку на пару стихотворений и преподнес эти песни в дар кумиру, сыграв их на гитаре на юбилее поэта. Роберту Дрейку, как и всем его гостям, подарок понравился. Этот случай в жизни отца был единственным, но он был. И живи Дрейк-старший в Старом Мире, песни на его стихи наверняка бы крутили по телевизору.

— А ты можешь прочесть что-нибудь из творчества своего отца? — попросила Нойс.

— Извини, но я не горазд читать стихи.

— Да ладно, всего одно стихотворение, — заканючила Нойс, принявшись вдобавок водить кончиками пальцев ноги по пояснице Альберта. — Уверена, такой интеллигентный парень, как ты, не может отказать девушке.

— Я даже не знаю, что прочесть.

— Как насчет твоего самого любимого? — предложила Нойс.

— Боюсь, моё любимое стихотворение не слишком тебе понравится, Нойс. В нем говорится о суровых вещах.

— Тогда что-то о любви.

Альберт отложил пульт и задумался, вспоминая любовную лирику Роберта Дрейка. Таких стихов было мало, но они существовали. Альберт уже собирался начать читать по памяти, когда осекся — в его голове зародилась довольно интересная мысль.

— Если честно, я и сам пишу стихи. Может, я лучше прочту что-то из своего?

— Конечно, прочти из своего! — воскликнула Нойс.

Она приняла более ровное положение: плотно прижалась спиной к спинке дивана, согнула ноги в коленях и обхватила их руками. Ларри тоже поспешил приподняться, принимая более официальную позу.

На миг Альберту даже стало стыдно, но он быстро отогнал эту мысль. Парень заверил самого себя, что в этом Мире он сможет стать не менее знаменитым, чем его отец в Зрелом Мире. Стоит только присвоить его стихи себе и найти того, кто продвинет «его» творчество в телевизор. Пусть Альберт и не до конца понимал, что представляет собой этот магический ящик — откуда в нем берутся картинки, как они оживают и где на самом деле находятся те люди, которых он показывает, — но был уверен, что сможет в него попасть. И что телевизор сделает его знаменитым на весь Старый Мир.

Альберт повернулся к Ларри и Нойс лицом и медленно начал читать. По мере того, как он набирался храбрости, а вина за ложь отступала, его голос становился все более уверенным. Слова слетали с его языка, словно разноцветные бабочки, украшая собой темную, душную комнату.

Альберт Дрейк улегся спать в тесной каморке. Прежде Альберт и Нойс хранили здесь грязное белье, а иногда ее занимал Ларри, когда они с Нойс были в ссоре. Крошечная комната должна была действовать угнетающе, но Альберт был почти счастлив. Сегодня он впервые почувствовал то, что испытывал, скорее всего, его отец, получая первые похвалы за стихи. Хотя Роберт Дрейк, верно, был не просто счастлив, а упивался талантом, ведь, в отличие от Альберта, он знал, что эти похвалы заслужены. Но даже так Альберт пребывал в приподнятом настроении.

Нойс в конце стихотворения даже поцеловала его в щеку. Это не слишком понравилось Ларри, но тот не стал шибко беспокоиться.

— Не знаю, насколько талантлив твой отец, но ты — просто гениальный поэт, — заверила Нойс, чьи глаза блестели не только от восхищения, но и от выкуренной дурманящей травы.

— Да, брат, — кивнул Ларри, сонно потягиваясь и скривив блаженную мину. — Я не фанат рифмы, но ты меня задел за живое.

— Благодарю вас, друзья, — произнес Альберт. — Приятно слышать ваши хвалебные речи.

— «Хвалебные речи», — усмехнулся Ларри. — Да из тебя поэт так и прет!

— А знаешь что! — вдруг загорелась идеей Нойс. — В пансионате, где я работаю, есть один довольно милый старичок. Как ни странно, встречаются и такие. Так вот, этот старичок, Карл Вельде, в прошлом был литературным критиком. Я могу познакомить тебя с ним, он наверняка сохранил связи. Как тебе такое?

— Ты хочешь сказать, что он может помочь мне попасть в телевизор? — уточнил Альберт.

— Ну, ты слишком забегаешь вперед. Про телевизор предлагаю забыть, если только ты не обладаешь обалденным голосом и не сможешь петь песни на свои же стихи. А вот писать тексты для каких-нибудь певцов... кто знает?

— Ого, дорогуша! — захихикал Ларри. — Да ты у меня настоящий воротила шоу-бизнеса. Того и гляди, станешь продюсером.

— Звучит неплохо, — кивнул Альберт, чувствуя, как в груди пробуждается очередной приступ радости.

— Отлично, тогда завтра же утром я тебя с ним познакомлю.

— Ничего не получится, — покачал головой Ларри, зевая во весь рот. — Наш друг Альберт с завтрашнего утра приступает к работе вместе со мной. Будем грузить рыбу в восточном доке. А запах рыбы — не лучший парфюм для собеседования.

— Тогда я договарюсь с ним о встрече на послезавтра.

— Боюсь, касс Дебри не отпустит Альберта, он ведь на испытательном сроке.

— Я уверена, что вам удастся что-нибудь придумать, — заявила Нойс.

Затем они улеглись спать. Но Альберт еще долго не мог уснуть, впрочем, как и молодая парочка, приютившая его: стоны и скрип старой кровати говорили о том, что ни Ларри, ни Нойс совсем не устали за день. Альберт не обращал внимания на охи и вздохи. Заложив руки за голову, он глядел на низкий потолок каморки и думал о будущем. Он думал об этом, когда скрипы умолкли и квартиру окутала плотная тишина. Он думал об этом, даже когда пытался переключиться на другие темы или считал овец. Уверенность в скорой славе не покидала его. И только когда он перестал бороться с разыгравшейся фантазией, Альберт Дрейк провалился в глубокий сон.

3.

К шести часам вечера, когда спина Альберта затекла от боли, ладони были стерты почти в кровь, а едкий запах пота и рыбы вытеснил все остальные ароматы, первый рабочий день подошел к концу. В половине седьмого они с Ларри, изнуренные, но удовлетворенные, отправились получать честно заработанное жалованье. Горсть серебряных монет в руке оказалась весомой, однако Альберта не покидало ощущение, что за столь тяжкий и зловонный труд ему заплатили меньше, чем полагалось.

— Поздравляю с первым заработком на новом поприще, — подбодрил его Ларри, расковыряя серебро по карманам брюк. — Как насчет кружки пива, прежде чем вернемся домой?

— Сначала мне нужно переговорить с таввом Дебри по поводу завтрашнего дня, — ответил Альберт.

— Точно, — Филч хлопнул себя ладонью по лбу. — Совсем забыл, что мой приятель грезит о славе. Хочешь, я пойду с тобой?

— Нет, — отказался Дрейк. — Я должен объясниться сам. Так будет правильнее.

Альберт поднялся на второй этаж и постучал в дверь кабинета. Не дождавшись ответа, он повторил попытку через минуту.

— Входите же! Или ждете, пока я сам вам открою? — раздался недовольный возглас Дебри.

Юноша вошел и остановился у стола начальника. Тот с подчеркнутым усердием что-то записывал в блокнот. Альберт решил дождаться, пока босс отложит ручку, но Дебри заговорил, не отрываясь от дела:

— Ты ждешь, пока я задохнусь от рыбной вони, что исходит от тебя? Выкладывай, чего надобно.

— Тавв Дебри, у меня к вам небольшая просьба.

— Если рассчитываешь на прибавку, скажу сразу: никаких надбавок на испытательном сроке.

— Нет, я пришел просить не о деньгах.

— Тогда о чем? — Дебри наконец отложил перо, откинулся на спинку кресла и, скрестив руки на груди, взглянул в глаза подчиненному.

— Хочу попросить об одолжении. Отпустите меня завтра пораньше.

— Каков наглец! — Дебри нахмурился. — Первый день на службе, а уже требует выходной!

— Не выходной, — поспешил поправить его Альберт. — Всего лишь час. Это жизненно важно для меня.

— Позволь узнать причину? — осведомился начальник. В его голосе не слышалось искреннего интереса, вопрос прозвучал скорее как дань вежливости.

— Завтра мне предстоит встреча с человеком, который способен перевернуть мою жизнь.

— Надеюсь, к лучшему, — Дебри позволил себе мимолетную улыбку, которая тут же растаяла.

— Без сомнения. Это литературный критик, почтенный человек на покое. Он может поспособствовать публикации моих стихов.

— Стихи? — переспросил Дебри. — Мне казалось, поэзией у вас увлекается отец.

— Я тоже не обделен творческой жилкой, — солгал Альберт, вновь ощутив в груди укол совести. Тем не менее он продолжал убеждать себя, что будет несправедливо, если труды отца останутся достоянием лишь Зрелого Мира. — Надеюсь, вы поймете мое положение и не сочтете эту просьбу верхом беспардонности.

— Расслабься, парень, — Дебри примирительно поднял руку. — Я не такой тиран, каким меня рисует молва. Готов пойти навстречу, но при одном условии.

— Каком? — тут же отозвался Альберт, готовый на любые обязательства.

— Впредь ты не станешь донимать меня подобным. А если нужда всё же возникнет, за каждый час отгула будешь отрабатывать два на следующий день. Идет?

— Да, тавв Дебри! Согласен!

— Ступай. И помни: завтрашняя смена для тебя сократится ровно на час и ни минутой более.

— Я всё понял. Благодарю вас!

Альберт вышел из кабинета, окрыленный воодушевлением.

Вечером того же дня Нойс сообщила, что говорила с Карлом Вельде, и тот неохотно согласился на встречу. По её словам, бывший критик сразу предупредил: церемониться с Альбертом он не станет. Если поэзия окажется посредственной, гостю укажут на дверь и попросят впредь не беспокоить.

— Это если выражаться культурно, — подытожила девушка. — Дословно же старик заявил следующее: «За долгие годы я наслушался предостаточно бездарного стихоплетства от авторов, дерзнувших называть свои ментальные испражнения творчеством».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.